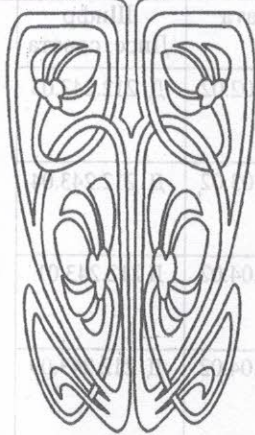

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ ВО ВСЕХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ...»

Профессор В. И. Разумовский и его воспоминания *

Василий Иванович Разумовский (27.03.1857-7.07.1935), организатор и ректор трех университетов (в Саратове, Тифлисе и Баку), прожил яркую и интересную жизнь. Это был человек, который, по свидетельству его дочери Ю.В.Разумовской, «...создавал вокруг себя атмосферу научных интересов, высокого строя мысли, душевности, человечности, мягкости. Широта его интересов и запросов была поразительна. Его глубоко интересовали великие творения человеческого духа во всех областях. Он любил жизнь во всех ее проявлениях - природу, людей, искусство»¹.

В.И.Разумовский родился, рос и воспитывался в семье бедного сельского священника. Из-за многодетности и малообеспеченности семьи его отдали сначала в Самарское духовное училище, а затем в духовную семинарию. Но вскоре он покинул семинарию и перешел в 8 класс Самарской гимназии, которую окончил через год с золотой медалью, а затем продолжил образование на медицинском факультете Казанского университета.

Научная деятельность В.И.Разумовского началась в период бурного развития хирургии в России. Он был свидетелем рождения первого периодического хирургического журнала «Хирургический вестник» (1885), работы первого съезда русских врачей в память Н.И.Пирогова (1885) и Первого Российского съезда хирургов (1900). Что касается его профессионального восхождения, то оно совершалось стремительно. Еще студентом Василий Иванович был выдвинут своими сокурсниками (случай для того времени весьма необычный) кандидатом в ординатуру хирургической клиники, в 27 лет - ученая степень доктора медицины, в 29 лет - звание приват-доцента, а через год - избрание на должность экстраординарного профессора по кафедре оперативной хирургии Казанского университета с одновременным заведованием хирургическим отделением.

С первых же дней работы в Казанском университете В.И.Разумовский завоевал заслуженный авторитет у коллег-профессоров и студентов. А спустя год, находясь проездом в Петербурге, он получил от министра народного просвещения А.Н.Шварца неожиданное предложение возглавить организацию и строительство нового университета, учреждаемого на Юго-Востоке России.

В самом начале деятельности В.И.Разумовского в качестве ректора Саратовского университета о нем ходило немало нелестных слухов. Откровенная неприязнь к нему среди некоторых горожан возникла, вероятно, из-за самой процедуры назначения его на ректорский пост, то есть по прямому распоряжению министра, а не с помощью баллотировочных шаров, как происходило в других российских университетах того времени. Но вскоре газеты сообщили, что «в самом факте назначения ректора нет ничего противоречащего принципу университетской автономии. <...> Как только будет образовано главное ядро преподавательского персонала, тотчас же начнет применяться выборное

* Подготовлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия.

¹ Василий Иванович Разумовский. Из воспоминаний дочери Ю.В.Разумовской. Машинопись // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А.Соломонова (Саратов).

и коллегиальное начало в управлении новым университетом»². После этого все ложные слухи и обвинения в адрес В.И.Разумовского исчезли. А при личном контакте с ним многие смогли лично убедиться, что «это очень доступный и приветливый человек, в присутствии которого как-то забывается разница положений и условностей официального этикета»³.

Годы организации и строительства Саратовского университета, по признанию самого ученого, для него оказались едва ли не самыми трудными в жизни. Не просто дался ректору и процесс формирования первого коллектива университетской профессуры. При выборе кандидатов на профессорские должности он, прежде всего, обращал внимание на их личностные и деловые качества. Желая видеть в своих первых помощниках людей талантливых, инициативных, энергичных и честных, он всячески старался избежать какой-либо случайности. В результате, среди первых семи (включая ректора) профессоров, получивших назначение в Саратовский университет, оказались люди, всецело преданные науке и высшей школе, все они с честью оправдали возложенную на них высокую и почетную миссию - «сеять умное, доброе, вечное».

С приходом к управлению Министерством народного просвещения Л.А.Кассо в жизни высших учебных заведений, в том числе и Саратовского университета, наступили особенно мрачные времена. В университетах вводился полицейский режим, началась травля инакомыслящих студентов, за нежелание безмолвно подчиняться беззаконию преследовалась профессура.

С 17 декабря 1912 года, передав ректорские полномочия декану медицинского факультета профессору Н.Г.Стадницкому, Разумовский стал рядовым членом профессорской корпорации Саратовского университета. В то же время внутренний протест против унижения и обескровливания отечественной науки заставил его уже в 1913 году открыто выступить в роли лидера либеральной профессуры, отстаивавшей соблюдение основных принципов университетской автономии.

С 1912 по 1916 год В.И.Разумовский читал курс по оперативной хирургии и одновременно - с началом военной кампании - для студентов-выпускников курс военно-полевой хирургии, признанный министерством обязательным. Наряду с непосредственной врачебно-хирургической деятельностью он являлся консультантом Общества Красного Креста, главным врачом всех девяти хирургических госпиталей «Земского союза», участвовал по выбору от саратовского земства в работе съездов городских и земских представителей в Москве, на которых обсужда-

В.И. Разумовский с дочерью Юлией.
Из архива В.А. Соломонова

лись различные организационные вопросы по оказанию помощи раненым и увечным воинам.

В 1917 году, оказавшись волею судеб отрезанным от родных и близких, В.И.Разумовский создал в Тифлисе два новых высших учебных заведения - Закавказский русский университет и травматологический институт. Переебравшись в 1919 году в Баку, он с присущей ему энергией взялся за воплощение аналогичных планов и на новом месте. В результате научная общественность узнала о появлении на свет третьего, связанного с его именем, университета - Бакинского. А в октябре 1920 года Василий Иванович возвратился в родной Саратовский университет, где в течение 10 последующих лет заведовал кафедрой хирургической патологии.

Последние годы своей жизни ученый провел в Ессентуках, куда переехал из Саратова в 1931 году после трагических событий, коснувшихся его семьи, - ареста ОГПУ по ложному обвинению сына, Вадима Васильевича Разумовского (1887-1931), и его расстрела. Это печальное обстоятельство и тяжелая болезнь не помешали ему, однако, и на Кавказских минеральных водах продолжать активно заниматься научно-просветительской и педагогической деятельностью. Оставаясь в строю до последнего дня своей жизни, он продолжал трудиться, постоянно вспоминая

² Саратовский вестник. 1909. 1 марта.

³ Саратовский листок. 1909. 10 июля.

собственное изречение: «Служение медицине есть не только служение науке, но и искусству, потому что жизнь есть наивысшая красота»⁴.

Человек исключительной скромности и человеколюбия, считавший себя лишь маленькой частицей своего народа, ради которого и для которого он работал, В.И.Разумовский был удостоен многих наград и почестей как до, так и после революции. В разные годы он был обладателем трех почетных званий: заслуженного профессора (1911), Героя Труда (1923) и заслуженного деятеля науки РСФСР (1934), являлся кавалером девяти орденов Российской империи и Бухарского эмирата. После смерти ученого его именем была названа в Саратове факультетская хирургическая клиника; для аспирантов-хирургов при Саратовском и Казанском медицинских институтах учреждены по две стипендии имени В.И.Разумовского. А по Волге и Каме вот уже много лет курсирует пассажирский трехпалубный красавец-теплоход «Хирург Разумовский», построенный в 1962 году по заказу Советского правительства кораблестроителями Германской Демократической Республики.

Современно и назидательно звучат слова В.И.Разумовского: «Всякая страна, всякая нация справедливо гордится своими великими людьми и чтит их. Великие люди составляют силу и мощь нации, дают ей право на внимание, на уважение всего культурного мира»⁵.

Этот замечательный афоризм можно с полным правом переадресовать и его автору, профессору В.И.Разумовскому, организатору и первому ректору трех университетов - Саратовского, Тифлисского и Бакинского.

Таковы главные вехи жизненного пути В.И.Разумовского - талантливого и незаурядного человека, однажды посвятившего себя служению науке и просвещению и до последних дней не изменившего своему призванию.

После себя В.И.Разумовский оставил не только добрую и светлую память в сердцах всех, знавших его людей, но и богатейшее научное наследие. Им написано свыше 160 научных и научно-популярных работ, более 40 из которых посвящены истории отечественной медицины, преимущественно русской хирургии. Среди последних особенно выделяются его «Хирургические воспоминания», которые, по признанию современников, «дают представление о развитии наиболее значительных разделов отечественной хирургии. Имя Разумовского вошло в медицинскую литературу не только как имя замечательного хирурга-новатора, но и как историка отечественной медицины»⁶.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2430, оп. 1, д. 667, л. 1.

⁵ Цит. по: Миротворцев С. Р. Страницы жизни. Л., 1956. С. 102.

⁶ Разумовский В. И. Избранные труды. М., 1959. С. 9.

Большая часть этих воспоминаний (16 очерков) увидела свет еще при жизни автора⁷. Неопубликованными остались только три последних очерка, рукописи которых в настоящее время хранятся в фонде Саратовского областного краеведческого музея.

Внимание читателей предлагается лишь малая толика из обширного мемуарного наследия ученого - очерк из его воспоминаний о первых годах жизни и деятельности Саратовского университета, в частности, о строительстве его учебных корпусов и клиник.

Публикуемый источник от подобного рода материалов отличает логичность и стройность повествования, завершенность авторской мысли, полнота и точность в воспроизведении многочисленных имен, фактов и событий, современником и свидетелем которых ученый являлся. Но справедливости ради следует заметить, что отдельные, подчас весьма существенные неточности и огрехи в тексте представленных мемуаров, а равно и в постраничных авторских сносках к ним, все же встречаются, на что указывают специальные комментарии в конце данной публикации.

Первоначальный рукописный текст «Хирургических воспоминаний» В.И.Разумовского обнаружить, к сожалению, не удалось. Публикуемый ниже мемуарный фрагмент с небольшими изменениями приводится по единственному его печатному варианту, помещенному в специализированном и малодоступном для массового читателя медицинском издании⁸. Из трех авторских приложений в настоящую публикацию вошли только первые два (приложения А и Б), что же касается третьего - проекта здания клиники уха, горла и носа имени академика Н.П.Симановского, то им по техническим соображениям пришлось пожертвовать. Весь остальной текст публикуемых воспоминаний приводится в полном объеме с сохранением всех присущих ему стилистических особенностей. Вставки и пояснения в тексте, сделанные публикатором, выделены квадратными скобками, а острыми - встречающиеся в нем авторские сокращения.

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
В.А.Соломонова

⁷ См.: Разумовский В. И. Хирургические воспоминания //Новый хирургический архив. Екатеринослав. 1923. Т. III. Кн. 1 (№ 9) - 1931. Т. 23. Кн. 3-4 (№ 91-92).

⁸ См.: Разумовский В. И. Хирургические воспоминания //Новый хирургический архив. Екатеринослав. 1925. Т. IX. Кн. 1 (№ 31). С. 3-26.

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. И. Разумовский

В первые годы XX столетия моя научно-врачебная деятельность находилась в полном разгаре: ежегодно из моей клиники выходили научные работы мои и моих учеников. Я состоял редактором 2-х научных изданий («Русской Хирургии» и «Русского Хирургического Архива»), принимал деятельное участие в российских съездах (хирургических, Пироговских) и т. д. В те годы я исключительно занят был научной и преподавательской деятельностью и был вполне ею удовлетворен. Если бы кто-либо сказал мне тогда, что я скоро перейду к университетской административной деятельности, я бы не поверил: я не имел ни желания, ни влечения к этому. А между тем, *volentem ducunt fata, tragunt nolentem*¹. В 1905 г. мне пришлось совершенно неожиданно для меня вступить на этот новый для меня путь. На основании введенных в университетах временных автономных правил², в сентябре 1905 г. я был избран деканом медицинского факультета Казанского университета, моей *almae matris* (см.: «Воспоминания», очерк второй³). Я подчинился избранию, тем более, что одновременно со мной (в тот же день и час) деканами других факультетов тут же, в общем заседании Совета университета, были избраны уважаемые мною почтенные профессора, также впервые призванные к административной деятельности (на физико-математическом факультете А.М.Зайцев¹, на юридическом - Н.П.Загоскин^{II}, на историко-филологическом - А.И.Александров^{III}, а ректором университета был избран мой друг - проф. Н.М. Любимов^{IV})⁴.

Так началась при добрых предзнаменованиях моя административно-научная карьера.

Как опытный член факультета (профессором я был в то время уже 18 лет), я скоро освоился с деканством (секретарями факультета при мне были проф. сначала К.Ф.Архангельский⁵, а потом В.Н.Тонков⁶), но очень много времени приходилось затрачивать в то время на общестроительные дела: почти ежедневно заседания (Совета, Правления, разных комиссий и т. д.) отвлекали от прямых профессорских обязанностей и тормозили клиническую и научную работу,

^I А.М.Зайцев, известный химик, создавший большую школу: его ученики заняли кафедры органической химии в нескольких университетах (Варшава - Вагнер⁷, Киев - С.Н.Реформатский⁸, Харьков - Альбицкий⁹, Москва - А.Н.Реформатский¹⁰, Казань - Арбузов¹¹) и других высших учебных заведениях. В составе Совета университета это был в то время самый уважаемый член. Я имел счастье быть его учеником и до конца его жизни сохранил с ним наилучшие отношения, равно как с его казанскими учениками, профессорами химии Сорокиным, Канонниковым¹² и Панормовым¹³.

^{II} Н.П.Загоскин, профессор истории русского права, талантливый ученый, видный публицист, автор «Истории Казанского университета» (4 тома)¹⁴; впоследствии был ректором Казанского университета и затем членом Государственного Совета по выборам.

^{III} А.И.Александров, хороший ученый (ученик Бодуена-де-Куртинэ¹⁵, доктор Лейпцигского университета); профессором он сделался в 28 лет, защитив к этому возрасту магистерскую и докторскую диссертации. Среди других избранных деканов он в то время (1905 г.) был самый молодой. Впоследствии (когда я уже был в Саратове) А.И.Александров принял монашество и затем был епископом (Анастасий) и ректором Петроградской Духовной Академии. При торжественном открытии

Саратовского университета он присутствовал как делегат Казанского университета (он был тогда исполняющим должность ректора Казанского университета), вместе с ректорами других русских университетов и прочими делегатами¹⁶.

^{IV} Н. М. Любимов - видный русский ученый и очень популярный профессор (патологической анатомии). Он первый начал читать курс бактериологии в Казанском университете (литографированные лекции). Из его лаборатории вышло наибольшее количество диссертаций в Казанском медицинском факультете. Некоторые из его учеников заняли кафедры в разных высших учебных заведениях (Н.В.Петров¹⁷ - Еленинский клинический институт, Н.Ф.Виноградов - женский медицинский институт в Петрограде, П.П.Заболотнов¹⁸ - в Саратове). Вскоре после избрания в ректоры Н.М.Любимов был вызван по служебным делам в Петроград, там заболел и умер в терапевтической клинике профессора Смирнова (от гнойного плеврита). Тело было перевезено в Казань, где он торжественно, можно сказать, при участии всего города, и был погребен. В Казани потом издан сборник научных трудов, посвященный его памяти. Его некрологи составлены его учениками, а также профессором Мельниковым-Разведенковым¹⁹ и мной²⁰ (см.: «Русский Врач», 1906. № 11).

которую приходилось предоставлять, главным образом, помощникам. Поэтому в конце 1907 г. я решил выйти из деканов, чтобы вновь всецело отдаться научной хирургии. Оставив деканство, я в 1908 г. совершил летом путешествие за границу, посетил некоторые германские и австрийские клиники, зимой был на съезде российских хирургов в Москве и оттуда проехал в Петроград. При посещении министра нар<одного> просв<ещения> А.Н.Шварца²¹ я получил от него предложение заняться организацией имеющего быть открытым в 1909 г. Саратовского У<ниверсите>та и быть его первым ректором. Впоследствии я узнал, что Шварцу^V я был рекомендован членами Госуд<арственной> Думы проф<ессорами> М.Я.Капустиным²² и М.М.Алексеевко²³.

Так как эти два лица впоследствии оказывали мне большое содействие при организации Саратовского У<ниверсите>та, я считаю нелишним сказать здесь об них несколько слов. М.Я.Капустин - видный русский профессор-гигиенист, вышедший из земских врачей; он был также видным общественным деятелем (долгое время был в подозрении у правительства, «поднадзорным»). Среди русских врачей он пользовался большим уважением и удостоился высшей чести - был почетным председателем 8-го Пироговского съезда врачей, затем он был членом 2-й и 3-й Госуд<арственной> Думы. Родной племянник великого русского ученого Д.И.Менделеева²⁴ (сын его сестры), он с ранних лет вращался в высших интеллигентских кругах, был высокообразованный врач, талантливый преподаватель (некоторые его ученики сейчас занимают кафедры, в Саратове - В.А.Арнольд²⁵) и обаятельный человек, привлекая к себе сердца всех, с кем жизнь его сталкивала. Меня с ним связывала личная дружба на протяжении нашего 20-летнего совместного профессорства в Казани (мы оба профессорами в Казани с 1887 года). Скончался он в 1919 году в Петрограде при тяжелых условиях - в бедности, не имея заработка вследствие старости и болезни^{VI}.

М.М.Алексеевко, профессор, потом ректор Харьковского Университета, считался знатоком финансового права. Будучи избран членом Госуд<арственной> Думы (от г. Екатеринослава), он был затем бессменным председателем бюджетной комиссии и, кажется, способствовал урегулированию государственного бюджета в думский период. В Думе Алексеевко был один из популярных деятелей (хотя он и не играл выдающейся политической роли). Мои личные отношения с ним начались с Казани, где он некоторое время был попечителем округа и председателем Университетской Строительной Комиссии (в Университете строились при нем новые клиники, и я был членом Строительной Комиссии). Алексеевко, подобно Капустину, был другом Саратовского Университета и не мало оказал ему услуг в организационный период; умер он осенью 1916 г. и схоронен с почетом (я был тогда в Петрограде и мог отдать ему последний долг).

Вот эти лица и рекомендовали меня министру Шварцу. На предложение Шварца я ответил, что меня смущает огромная ответственность в этом деле, и я боюсь, что не оправдаю доверия. «Но ведь вы опытный профессор и декан, чего же вы боитесь?» «Я боюсь строительства», - был мой ответ. Министр в деле строительства обещал обставить меня согласно моим желаниям. Главным моим условием было право самому выбрать и пригласить строителя-архитектора. Я имел в виду определенное лицо, именно директора Художественной Школы в Казани художника-архитектора К.Л.Мюфке²⁶, известного мне по Казани (он был временно архитектором У<ниверсите>та во время моего деканства)^{VII}, и я указал тотчас же министру на это лицо. Вторым моим условием было право

^V А.Н.Шварц, проф<ессор> Московского У<ниверсите>та, затем попечитель округа и министр нар<одного> просв<ещения>, был потомком (правнуком) Шварца²⁷ - одного из первых профессоров Московского Университета; образованный классик, специалист по истории искусств, он помогал мне при выборе проекта медали Саратовского У<ниверсите>та (сконструированного проф<ессором> Д.В.Айналовым²⁸); он, утвердив проект фасада арх<итекто>ра мин<истерст>ва, согласился заменить этот казенный, безжизненный фасад тем, который существует теперь <...>. Первое мое жизненное столкновение с министром Шварцем произошло при следующих обстоятельствах. В 1906 г. я, как декан, принял на медиц<инский> ф<акульте>т несколько женщин (12-15). Министр потом, когда они уже были на 2-м курсе, потребовал их увольнения, как незаконно принятых, - и весной 1908 г. я ездил объясняться с министром. Я просил его оставить женщин в У<ниверсите>те, «не ломать их жизнь», тем более, что они не виноваты. «Если сделано беззаконие, - добавил я, - то оно сделано не ими, а нами; следовательно, и наказаны должны быть мы». Я указал, что министр может их оставить, испросив высочайшее повеление. Шварц потом так и сделал. Так попали в

Казанский У<ниверсите>т первые женщины²⁹. Впоследствии проф<ессор> Капустин передал мне, что мой откровенный разговор очень понравился Шварцу. По-видимому, этот разговор имел некоторое значение при решении Шварца предложить ректорство в Саратовском У<ниверсите>те мне. Шварц считался «твердым» министром, формалистом-законником. В 1910 г. он вышел в отставку. Про эту отставку С.Ю.Витте³⁰ так говорит в своих «Воспоминаниях»: «Столыпин требовал от министра таких мер и такого игнорирования законов, на которые Шварц не пошел».

^{VI} При жизни обоим друзьям Саратов<ского> У<ниверсите>та М.Я.Капустину и М.М.Алексеевко были поднесены медали (в память открытия У<ниверсите>та) и научный орган У<ниверсите>та («Известия»).

^{VII} В Казани Мюфке принадлежат лучшие здания: Художественная школа на Арском поле (проект здания был одобрен Академией Художеств), дом Ушковых и др. Мне о Мюфке дал хороший отзыв, между прочим, известный русский ученый академик Н.П.Кондаков³¹ (член Академии наук и Художественной Академии). Мой выбор одобрил и мой друг М.Я.Капустин, хорошо знавший Мюфке по Казани.

пригласить первых проректора, декана и некоторых профессоров, как ближайших сотрудников по правлению и строительству. В таком большом и ответственном деле успешно работать можно, конечно, только с лицами подходящими и известными. Министр охотно согласился на эти условия и даже благожелательно предостерег меня на счет строительства, рассказав мне случай с ним (в Москве), когда он едва не сделался жертвой обмана в деле строительства. Так <им> об <разом>, мы расстались, как бы заключив соглашение. Я переговорил о делах Саратовского У <ниверсите>та с [о] своим другом М.Я.Капустиним, который вполне разделял мои воззрения, и возвратился из Петрограда в Казань к месту службы.

Тотчас же я вступил в сношения с некоторыми лицами. Деканом мне хотелось иметь кого-либо из профессоров-теоретиков. Мой выбор остановился на 3 кандидатах: Одесском - проф <ессоре> Н.А.Батуеве³², Варшавском - Н.Г.Ушинском³³ (теперь проф <ессор> в Баку) и Казанском - И.А.Чуевском³⁴. Оба первые уже были профессорами около 15 лет, след <овательно>, весьма опытные в академической жизни, а проф <ессор> Батуев, как опытный анатом и проф <ессор> первых 2-х курсов, был в особенности необходим при открытии У <ниверсите>та. Ему первому я и написал, предлагая ему, согласно поручению министра, профессию и деканство в имеющем открыться Саратовском У <ниверсите>те. Проф <ессора> Батуева, моего сверстника, я знал лично еще в молодости, когда работал в Петрограде (готовил диссертацию), а он был ординатором у профессора Коломнина³⁵ и одновременно работал у Грубера³⁶ (см.: «Хирургические воспоминания», очерк первый // Н <овый> Хирург <ический> Арх <ив>, 1923 г.³⁷); его серьезная научная репутация, как одного из лучших анатомов, в 1909 г. уже стояла прочно, и я был уверен, что в его лице я приобрету хорошего сотрудника по организации У <ниверсите>та; как уроженец Востока России, он, мне казалось, должен охотно поехать на Волгу. Я получил от него длинное письмо, в котором он излагал невозможность для него оставить Одессу, где учились все его дети (он был многосемейный) и где он устроился относительно хорошо; благодаря меня за память и внимание, он указал мне, как кандидата на кафедру анатомии, на своего прозектора Н.Г.Стадницкого³⁸. Такой же отказ я получил и от 2-го кандидата в деканы - Н.Г.Ушинского, также рекомендовавшего мне одного из своих учеников на каф <едру> общей патологии (теперь профессора в Москов <ском> У <ниверсите>те) А.А.Богомольца³⁹. Лучше мне посчастливилось с 3-м кандидатом, проф <ессором> фармакологии в Казанск <ом> У <ниверсите>те И.А.Чуевским, хотя и новым тогда профессором в Казани, но успевшим приобрести симпатии; он охотно согласился сменить казанскую каф <едру> на каф <едру> физиологии в Саратове и взять деканство. В проректоры мной был намечен В.В.Вормс⁴⁰, прив <ат>-доц <ент> Казан <ского> У <ниверсите>та (по кафедре химии); по своему такту и умению ладить с молодежью он мне казался подходящим кандидатом в проректоры VIII. Также хорошо мне удалось получить согласие и архитектора К.Л.Мюфке; хотя он и хорошо устроился в Казани (он был там одним из лучших архитекторов), но, тем не менее, готов был переехать в Саратов для такого важного (и идейного) дела, как постройка новых зданий Университета. Цена в нем способного опытного архитектора-художника, я еще более ценил в нем честного и преданного делу работника, на которого я мог положиться вполне.

Таким образом, к весне 1909 года мною были намечены главные сотрудники. Тем временем закон о Саратовском У <ниверсите>те и об его открытии проходил через наши законодательные учреждения. Через Госуд <арственную> Думу Саратовский У <ниверсите>т при председателе Н.А.Хомякове⁴¹ прошел без особенных трений; не так было в Госуд <арственном> Совете. В советской комиссии Саратовский У <ниверсите>т прошел большинством только одного голоса (голосовали, кажется, около 20 чл <енов> комиссии); и это несмотря на то, что Саратову протезировал влиятельный министр П.А.Столыпин⁴², б <ывший> Саратов <овский> губернатор; в пленарном заседании Совета (весной) он уже прошел лучше (докладчиком был член Гос <ударственного> Совета, известный русский ученый М.М.Ковалевский⁴³, а председателем Совета - М.Г.Акимов⁴⁴, саратовец. В июне (второй половине) я был вызван из Казани телеграммой к министру; и он мне объявил, что У <ниверсите>т должен быть открыт фактически (т. е. начаться преподавание) осенью в сентябре, что было нелегко, так как необходимо было в течение 3-х месяцев приспособить здание, приобрести лабораторное оборудование и т. д. Но приказ министра, который отсрочку даже до октября месяца считал невозможной, я должен был исполнить. Наметив вместе с министром первых профессоров (которые тотчас же в летние месяцы и были назначены: Гордягин⁴⁵ и Чуевский - ординарными, остальные - экстраординарными; Гордягин и в Казани был уже

VIII Также успешно я убедил своего друга проф <есора> ботаники в Казани А.Я.Гордягина перейти вместе с нами в Саратов <ский> У <ниверсите>т. Видный ученый, опытный профессор, прекрасный преподаватель - он мне казался необходимым также и для поддержания добрых

старых академических традиций в новом у <ниверсите>те, - и эту роль он, несомненно, выполнил потом. Вместе с Гордягиним перешел в Саратов <кий> У <ниверсите>т, и его ассистент, теперь проф <ессор> и председатель Биологического Общ <ества> в Саратове Д.Э.Янишевский⁴⁶.

ординарным), я отправился в Саратов, по пути сделал некоторые заказы в Москве и Казани. В Казани для организации канцелярии я пригласил в секретари Правления (и Совета) известного мне своей честностью и трудоспособностью С.И.Купцова⁴⁷ (который и в Казани был секретарем Правления по выбору), а также эскутера П.Ф.Калязина⁴⁸ (бывшего у меня несколько лет фельдшером при клинике, а затем помощником эскутера) и бухгалтера С.П.Плюшкова⁴⁹, лично мне хорошо известных и обладающих такими же качествами. В Саратов я приехал в первых числах июля один (секретарь Купцов остался устроить домашние дела), предупредив телеграммой из Казани о приезде в гор<одскую> управу.

На другой же день по приезде я увиделся с городским головою В.А.Коробковым⁵⁰, некоторыми гласными, осмотрел вместе с ними отводимое под У<ниверсите>т здание фельдшерской школы^{IX}. Здание нужно было освободить еще от школьного имущ<ества>,- и это удалось сделать относительно скоро благодаря содействию городской управы (заведующим школьными зданиями был член управы Никольский⁵¹). Тотчас же при помощи городского архитектора (старейшего гласного думы) А.М.Салько⁵² составлен был план приспособлений и переделок в здании фельдшерской школы, а через три дня уже было приступлено к работам. Необходимо было провести воду (вернее, усилить водопроводную сеть), электричество, поставить местами перегородки и т. д. Пришлось также пристраивать к зданию помещения для газолинового аппарата и сероводородных работ^X. Во всех делах мне существенную пользу оказал гласный Думы д<окто>р М.Ф.Волков⁵³; ежедневно я лично посещал работы, - и дело шло быстро вперед. Из Москвы был выписан газолиновый аппарат для снабжения лабораторий газом, так как в Саратове не было газового завода. Одновременно же была заказана специальная лабораторная и аудиторная мебель: образцы химических столов были заимствованы в казанских лабораториях, где я совещался с[о] своими друзьями-химиками. Через посредство профессора Вормса и Бирукова⁵⁴, бывших за границей, были выписаны из Германии некоторые аппараты и приборы (эпидиаскоп и др.). Чтобы получить их к осени, я еще в бытность мою в Петрограде через министра народн<ого> просв<еще>ния> выхлопотал разрешение таможенного ведомства на беспрепятственный пропуск заграничных посылок на Саратовский у<ниверсите>т (через Александрово). Это было необходимо, так как по казанскому опыту я знал, что заграничные посылки в таможняк (на границе) залеживаются.

Первые две недели я работал один, не было даже секретаря (который задержался в Казани); мне пришлось экстренно разобрать большую пачку бумаг, присланных из городской управы: около 500 №№ прошений, телеграмм, запросов относительно у<ниверсите>та, условий приема, предложений разных услуг и т. д. Все эти бумаги уже с весны, когда в газетах появилось известие об открытии у<ниверсите>та в Саратове, направлялись в Саратовскую гор<одскую> управу; последняя же, скопив их, и направила ко мне. Я утопал несколько дней в бумажном море, но избежать этого было нельзя, так как в числе запросов не мало было и таких, которые требовали немедленного ответа. Личный прием разных посетителей (просьбы, справки) также отнимал не мало времени.

С приездом секретаря Купцова и эскутера Калязина мое положение облегчилось. Далее первым приехал декан И.А.Чуевский, а затем начали появляться и другие профессора. Работы по приспособлению и оборудованию зданий подвинулись настолько, что в конце сентября мы могли начать лекции. Такое быстрое приспособление было возможно благодаря главным образом городской управе и в особенности д<окто>ру М.Ф.Волкову, которому Саратов обязан постройкой и самого здания фельдшерской школы, теперь приспособленного под у<ниверсите>т^{XI}. Кафедры химии, физики, ботаники, зоологии имели хорошее помещение с газом, приспособлением (в отдельном помещении) для сероводородных работ и т. д.; аудитория для первого курса (с приспособлениями для демонстративных лекций и некоторых опытов) также была вполне удовлетворительна. Для изготовления анатомических препаратов и для анатомических работ были

^{IX} Осмотрел также и место, отведенное для постройки: Московская площадь и разбросанные участки вдоль железной дороги. Последние, предназначенные под клиники, были потом признаны неудобными и другое место отведено, где потом и выстроены клиники. Московскую площадь пришлось перед началом постройки зданий дренировать, что составило большой непредвиденный расход из строительных сумм, не предусмотренный «Варшавской Комиссией»⁵⁵ (см. ниже) и государственной сметой, ассигнованной на Саратовский У<ниверсите>т (см.: Приложение).

^X Вблизи были потом приспособлены еще 2 дома под канцелярию и библиотеку. После, с открытием 2-го,

затем 3-го курса, приспособлен был еще один дом под временные помещения лабораторий и за счет у<ниверсите>та сделана большая пристройка к зданию городской больницы (теперь хирургическая клиника). Фельдшерская школа и пристройка городской больницы и теперь обслуживают у<ниверсите>т. Пристройка вмещает лабораторные помещения, большую аудиторию и др. Она была первым (по времени) законченным зданием Саратовского у<ниверсите>та.

^{XI} Волков построил в Саратове также прекрасную глазную лечебницу, в которой теперь со всеми удобствами помещается глазная клиника.

приспособлены помещения в Александровской (теперешней 2-й Советской) больнице, где раньше работали тоже по анатомии ученицы фельдшерской школы; там же была и анатомическая аудитория (часть препаратов привезена проф<ессором> Н.Г.Стаднищким из Одессы).

На первый курс поступило 92 студента и 15 вольнослушателей - всего 107 человек (группа эта вместе с первыми профессорами сфотографирована. См.: «Известия Саратовского у<ниверсите>та», кн<ига> 1), большинство из Саратовской и соседних губерний; в числе поступивших были и старые студенты с других факультетов и лица с высшим образованием⁵⁶.

Лекции начались правильно - с конца сентября (23 сентября начало), но решено было, помимо этого, также отпраздновать торжественно открытие у<ниверсите>та, первого в Юго-Восточном обширном районе России. Разосланы были приглашения к участию в торжестве не только в русские, но и в заграничные у<ниверсите>ты^{XII}, а также в разные культурные учреждения, видным ученым и т. д.

Такое торжество являлось до известной степени необходимым в то время, когда правительство не особенно дружелюбно относилось к университетам. После открытия Томского у<ниверсите>та в 1889 году⁵⁷ на протяжении 20 лет в России не было открыто ни одного у<ниверсите>та, да и Саратовский у<ниверсите>т, как сказано выше, прошел в Гос<ударственном> Совете с трудом; нам было известно, как один из членов Гос<ударственного> Совета прямо сказал: «создавать новый у<ниверсите>т - это значит создавать новый революционный очаг». Я не буду здесь описывать организацию этого торжества и самое торжество, прошедшее в широком, европейском масштабе с участием, адресами и т. д. всех русских, очень многих европейских у<ниверсите>тов, начиная со старейших (итальянских, английских) и кончая более молодыми - славянскими; это был необычайный культурный праздник не только Саратова, но всей России, с участием всего образованного мира. Торжество подробно описано с приложением всех актов, адресов, телеграмм и т. д. в книге И.А.Чуевского (и в «Известиях»)⁵⁸; среди адресов были приветствия от рабочих-угольщиков, от саратовского крестьянина, содержащий пожелания, чтобы «стены у<ниверсите>та видели побольше сынов земли, крестьян, образование которых поднимет и общее благосостояние России» (адрес этот вызвал бурные и продолжительные овации. См. книгу Чуевского, стр. 42).

Итак, Саратовский у<ниверсите>т начал существовать «auspiciis optimis»⁵⁹, как писал Кембриджский у<ниверсите>т в его стильном адресе-послании; мы, принятые в семью европейских у<ниверсите>тов, должны теперь «культивировать науку в пользу славянства и всего человечества», как напутствовал нас старобытный, старейший в Средней Европе, Чешский у<ниверсите>т, приславший на торжество, как бы благословить нас, своего члена, профессора, доктора прав Карла Кадлеца⁶⁰.

Вместе с началом занятий приступлено было к разработке проектов и смет постоянных университетских зданий. Под моим председательством образована была (и утверждена министром) «Строительная Комиссия», в состав которой вошли члены Правления у<ниверсите>та (и Совета) проф<ессора> Разумовский, Чуевский, Вормс, Гордягин, Стадницкий, Зёрнов⁶¹, несколько гласных думы (Коробков, Волков, Дыбов^{XIII} 62, Захаров⁶³, Никитин⁶⁴), затем представитель Министерства финансов - управляющий казенной палатой Н.Н.Лаппа⁶⁵ и представители контроля Н.Н.Хатунцев⁶⁶ и П.И.Архангельский⁶⁷. Кроме архитектора-строителя, в состав комиссии входил также архитектор у<ниверсите>та А.М.Салько; я должен добавить, что Захаров и Никитин, члены комиссии, были инженеры, опытные в строительном деле; таким образом, техниками комиссия хорошо была обеспечена, особенно, если иметь в виду проф<ессора> физики Зёрнова; делопроизводителем комиссии был С.И.Купцов (канцелярии не было; университетская канцелярия, хотя она состояла в то время всего из 6-8 человек, обслуживала и комиссию); не было и юрисконсульта, так как в состав комиссии входил нотариус Г.Г.Дыбов, один из самых преданных друзей университета.

XII В заграничные у<ниверсите>ты на латинском языке, но в славянские на их родных языках (польском, чешском, болгарском и др.). Мы получили адреса и телеграммы от заграничных у<ниверсите>тов б<ольшей> частью на их родных языках, но от некоторых (Кембридж, Лейден, Неаполь, Лион, Галле, Кёнигсберг, Копенгаген, Упсала) - на латинском. У<ниверсите>ты Чешский, Болгарский и Норвежский прислали приветствия на русском языке. Наиболее стильными являются адреса старейших у<ниверсите>тов Европы - Кембриджа и Неаполя. Из русских наиболее стильным является адрес старейшего Московск<ого> У<ниверсите>та, доставленный делегатами ректором А.А.Мануйловым⁶⁸ и деканом Д.Н.Зёрновым⁶⁹.

XIII В.А.Коробков, М.Ф.Волков и Г.Г.Дыбов - гласные думы, много хлопотавшие вместе с Б.А.Араповым⁷⁰ (тоже гласным) об открытии У<ниверсите>та в Саратове. Совместно с «Варшавской Комиссией» ими разрабатывался проект и строительная программа Саратов<ского> У<ниверсите>та (см.: Чуевский. К истории Саратов<ского> У<ниверсите>та. «Известия», кн<ига> 1); на основании этой программы и отпущена определенная сумма на строительство Саратов<ского> У<ниверсите>та. При составлении проектов наша Саратов<ская> комиссия вышла далеко за пределы этой сметы (см. ниже), что вызывало постоянно протесты министр<ства>, но все же прошли наши широкие проекты благодаря главн<ым> образом содействию Капустина и Алексеенко.

Прежде всего, мной был составлен проект «Инструкции строительной комиссии»; отдельно составлены «Положение о правах и обязанностях архитектора-строителя» и «Правила о контрольной проверке строительных операций». «Инструкция», «Положение» и «Правила» были утверждены затем министром. По инструкции комиссия сносилась прямо с министерством, независимо от попечителя округа, жившего далеко в Казани. Это упрощало дело и давало возможность работать более быстро. Я выхлопотал также право непосредственного сношения с министерством и по другим делам, что очень не нравилось Казанскому попечителю округа и что было потом отменено при министре Кассо⁷¹ и попечителе Кульчицком⁷² (см. ниже). Первым зданием, спроектированным нами, был Институт экспериментальной медицины (теперь 1-й и 2-й корпусы) для всех теоретических кафедр медицинского факультета, исключая анатомических. Проект составлен был довольно широко, и смета на много превосходила сумму, ассигнованную на эти здания по закону о Саратовском Университете^{XIV}. Одновременно разработан генеральный план застройки Московской площади (обеих половин) зданиями Университета⁷³. Предвидя затруднения в министерстве, я по приезде осенью в Петроград прежде всего решил познакомиться с проектом членов Государственной Думы - врачей, чтобы убедить их в отсутствии излишних трат государственных средств. Собрание состоялось в квартире профессора Капустина, участвовали влиятельные члены Думы Анреп⁷⁴, Годнев⁷⁵, Шингарев⁷⁶. Заручившись их одобрением, я представил проект в министерство. Строительный Комитет министерства оставил проект для рассмотрения; затем было назначено заседание с моим участием, в котором архитектор министерства Шишко⁷⁷ сделал несколько замечаний, по виду несущественных. После нам был прислан протокол этого заседания с указанием на некоторые поправки. Через месяц, при второй моей поездке в Петроград, хотя я привез проект, переработанный согласно замечаниям Строительного Комитета, министерство утвердило (31 декабря) после моего отъезда) не наш проект, а проект своего архитектора, составленный, очевидно, очень спешно по нашему, но с существенными дефектами, например, отсутствием уборных вблизи аудиторий (уборные на отдаленных концах зданий и ход в них через лаборатории). Мне дано было понять, что проект архитектора понравился самому министру, что он даже дешевле (удешевление, между прочим, и насчет порчи фасада), следовательно, более соответствует государственной смете, утвержденной законом. Я принял все это за чистую монету и, не желая затягивать дело и на первых порах расхотевшись с министерством, согласился на министерский проект (вернее - несколько испорченный наш), надеясь во время стройки исправить существенные недостатки министерского проекта (что после и было сделано, например, в отношении уборных и др. мест); я в то время был настолько наивен, думал, что архитектор министерства плату за проекты получает вместо жалования; уже после я узнал, что в министерстве это была постоянная система браковать все проекты и утверждать проекты архитектора министерства, который и получал плату за составление проектов, сверх очень солидного казенного жалования. (В официальном издании - списке служащих Министерства народного просвещения - его жалование обозначено 9 тысячами рублей, втрое больше профессорского). Так как во всей России ежегодно производились постройки в разных университетах (да и гимназиях), то архитектор министерства, относительно молодой человек, Шишко, получал за проекты, и притом не всегда за свои (например, в нашем случае за наш проект, несколько видоизмененный, вернее - испорченный) большие суммы. За один год мы (я, Капустин, Алексеенко) подсчитали и вышло, что только по высшим учебным заведениям архитектор министерства получил больше 30 тысяч (больше полного содержания самого министра народного просвещения). Строительная комиссия, конечно, сильно была опечалена тем, что наш лучший проект не прошел, а министерским утвержден в несколько

XIV Первый набросок (черновой) - задания для архитектора - у меня уцелел. Материалом служили работы так называемой «Варшавской комиссии» (под председательством профессора Амалицкого); далее я произвел осмотр некоторых новых лабораторий, особенно в Петрограде (например, биохимического института при Педагогическом институте), совещался, кроме саратовцев, с некоторыми казанцами, петроградцами (Шевяков, Догель⁷⁸ и др.). Освещение с 3 сторон в общих залах заимствовано из биохимического института. Фасад и вообще здания производят впечатление: извест-

ный ученый профессор Н.П.Кравков⁷⁹ сказал мне: «таких зданий нет и в Петрограде». Лаборатории спроектированы широко: при лабораториях физиологии и общей патологии имеются операционные для экспериментов на животных (по образцу Института Экспериментальной Медицины), хорошие помещения для оперированных животных, ванны и т. д. Отдельные комнаты для физико-химических, бактериологических, фотографических исследований и т. д.; далее хорошие демонстрационные, аудитории, удовлетворяющие световым и акустическим требованиям.

испорченном и сокращенном виде, все же решили строить, рассчитывая во время постройки улучшить, как можно (напр<имер>, фасад и т. д.^{XV}).

В течение зимы заготовлены материалы, заключены были контракты с подрядчиками и т. д., и весной в строительный период приступлено было к постройке. Работы сдавали по частям: кладку здания взял на себя подрядчик (Ипатов), известный архитектору по работам в Казани, - человек очень энергичный, имеющий постоянных рабочих (много лет) с верховьев Волги. Отдельно были сданы штукатурные, столярные и т. д. работы по контрактам, с обеспечением работ неустойками и т. д.

Не мало волнений и беспокойств причинили нам железобетонные сооружения (полы, потолки), тогда в широких размерах производившиеся (Пульман⁸⁰, Люкшин⁸¹, Лавров и Ивановский) в Саратове еще впервые (до нас в Саратове был один неудачный опыт с провалом потолка спустя некоторое время после окончания постройки); все это не мало иннервировало, и мы применяли все выработанные наукой способы контроля (испытание с полной нагрузкой и установкой измерительных аппаратов - опыт очень сложный, продолжающийся сутки, притом не дешёвый); но еще важнее, конечно, был непосредственный технический и административный надзор за работами; я сам все годы стройки, во время строительного периода, безвыездно жил в Саратове, почти ежедневно посещая работы (казенной лошади я не имел и из старого У<ниверсите>та с Сергиевской на Москов<скую> площадь ходил частью пешком, частью на трамвае). Также усердно работали и мои сотрудники, члены строительной комиссии; самые заседания комиссии происходили очень часто, большей частью еженедельно, что было уже необходимо для выдачи сумм и расплаты с рабочими по мере приемки работ.

Для устройства отопления и вентиляции был устроен конкурс между лучшими русскими фирмами того времени, и вызванные представители их (инженеры) в пленарном заседании комиссии сделали нам доклады о своих проектах и системах. Так как в составе комиссии, как я упоминал, были у нас члены - инженеры (опытные в строительн<ых> делах) и профессор физики (В.Д.Зёрнов), то мы могли сделать хороший и правильный выбор подрядчика по устройству отопления и вентиляции (Эриксон; Якимович⁸²); конечно, все аппараты, трубы и т. д. после доставки их в Саратов осматривались и испытывались здесь на месте. Для приобретения мелких металлических предметов (замки к дверям, шпингалеты, задвижки и т. д.) специально один из членов комиссии (В.В.Вормс) ездил в Тулу, - и на этом удалось получить порядочное сбережение; паркетные полы, некоторые деревянные изделия выгодным оказалось заказать на одном из верховых волжских заводов (Розенберга); плитки - Дзевульский, Ланге.

Экономить приходилось во всем, так как во всех статьях приходилось выходить из пределов утвержденной (законод<ательными> учреждениями) слишком скромной суммы сметной (см.: Приложение А), - и министр все время требовал от нас держаться в пределах сметы^{XVI}. Если он и соглашался утверждать наши проекты, выходящие из пределов сметы, то после долгих колебаний, и только благодаря воздействию влиятельных членов Думы (Капустин, Алексеенко), в надежде на одобрение Думой сверхсметных расходов. О недостаточности сумм, ассигнованных на Саратов<ский> У<ниверсите>т, министр<ство> почему-то не решалось осведомить Г<осударственную> Думу до израсходования всех сумм. С Думой министерство считалось и даже как будто побаивалось ее; заметив это, я старался использовать наших друзей, влиятельных членов Думы - Капустина и Алексеенко, и держал их все время в курсе строительных дел Саратовского У<ниверсите>та. Министерство в то время было в очень сдержанных отношениях с Думой, но до открытого разрыва, как это было потом при Кассо, дело не доходило.

Скажу несколько слов о самих работах на месте. Каменщики, как я уже сказал, были опытные рабочие, с которыми подрядчик имел дело уже много лет (каменщики глав<ным> об<разом> нижегородские, плотники тамбовские, вятские, казанские); в помощь им брались и местные рабочие; количество рабочих доходило до 450 чел<овек>; иногородние преобладали; через десятников организован правильный надзор за работами и т. п. Архитектор Мюфке также взял себе помощников, главным из них был прибывший с ними из Казани С. Ф. Рагозин⁸³, уже много лет (в

^{XV} Так впоследствии и было сделано отчасти, так как §13 «Инструкции строительной комиссии» давал право комиссии «допускать перемены, не изменяющие сущности проекта». Фасад, впрочем, вполне исправлен, мы сделали его так, как хотели (об этом я потом специально упросил министра); конечно, выстроены и уборные. Все это делалось с большими трудностями, так как архитектор министр<ство>ва не хотел признавать своих ошибок, а, наоборот, старался очернить наши проекты и работы; эта непрерывная война с архитектором велась до конца, т. е. до замены его др<угим> лицом (см. ниже).

^{XVI} Экономили мы также, чтобы оставить некоторую сумму на украшение фасада. Кроме того, в госуд<арственной> смете, ассигнованной на Саратов<ский> У<ниверсите>т по проекту так наз<ываемой> «Варшавской Комиссии», были и некоторые дефекты, напр<имер>, не было сумм, ассигнованных на устройство и оборудование аудиторий. Решив строить образцовые аудитории, мы так или иначе должны были отыскивать для этого средства.

Казани) работавший с ним. Считаю нужным отметить, что Мюфке, кроме постройки У<ниверсите>та в Саратове, не брал на себя других работ (хотя к нему и обращались частные лица за составлением планов и т. д.); все свое время он отдавал только делу строительства У<ниверсите>та, получая за это скромный казенный гонорар^{XVII}. Отмечу также, что и все члены строит<ельной> комиссии работали (и не мало) безвозмездно, только прикомандированный представитель контроля получал небольшое добавочное вознаграждение. Самое трудное дело в строительстве - организовать правильный и добросовестный технический надзор; по смете на него была ассигнована известная сумма, но у нас, как сказано выше, были свои техники, гласные думы. Тем не менее я повторно получал предложения услуг по техническому надзору от разных, мне мало известных и совсем неизвестных лиц; некоторые приезжали для этого издалека (1, напр<имер>, из Одессы, 1 - из Петрограда), обыкновенно с какой-нибудь сильной рекомендацией, иногда даже с явным желанием оказать на меня давление. Укажу на следующий случай. Ко мне является, во время одного спешного дела, пожилой приличного вида господин и говорит, что его послал «Александр Николаевич» (так звали министра Шварца) познакомиться с нашими строительными делами и принять участие в техническом надзоре. Я попросил его придти на другой день в канцелярию, предупредив, что я его могу познакомить с делами, конечно, только в том случае, если он представит какое-либо письменное доказательство своих полномочий, бумагу или письмо министра. И... я его больше не видел. Очевидно, это был еще существующий в России старый наш знакомый, гоголевский ревизор. Еще более для меня досадно было следующее недоразумение. Живя первый год в Саратове один, без семьи, я на праздник рождественский, с трудом выкроив себе несколько свободных дней, взял 8-дневный отпуск в Казань повидаться с семьей, но вскоре по приезде в Казань телеграммой был отозван назад в Саратов по важному делу: «приехал архитектор от министра». Пришлось тотчас возвратиться из Казани. Действительно, в Саратов приехал какой-то архитектор, якобы посланный министром заменить Мюфке, которым будто бы я и строительная комиссия были недовольны. Это была какая-то сложная махинация министерских чиновников; министр не посылал этого архитектора (как он после мне сказал), но все же ему кто-то сообщил, что мы недовольны Мюфке⁸⁴. Не мало получал я и других сомнительных предложений от разных предпринимателей; доходило дело до того, что один из них просил даже выдать ему из строительных сумм деньги на постройку кирпичного завода, а он «обещает нам поставлять кирпич по сходной цене», которую он не желал, однако, наперед объявить. К сожалению, и среди даже гласных думы находились лица, которые не прочь были поживиться за счет Ун<иверсите>та, прикрывая свои неблагоприятные аппетиты якобы желанием услужить Ун<иверсите>ту^{XVIII}. Все эти докучливые предложения отнимали не мало времени, тем более, что все эти предприниматели очень настойчивы и изобретательны по части разных подходов. Один из них, одессит с протекцией, жил здесь несколько месяцев и, что называется, стоял у меня над душой. После долгих лет относительно спокойной научной и академической жизни я уже пожилым человеком окунулся в эту житейскую грязь и благодарил судьбу, что я был обеспечен честным архитектором и техническим надзором. Огромное моральное удовлетворение мне доставил следующий случай. Я и два моих товарища профессора были в одном летнем саду. Какой-то артист на открытой сцене пел куплеты, а затем произошел большой шум. Оказывается, публика протестовала против одного куплета и требовала удаления

^{XVII} Если хороший технический надзор важен, как гарантия правильного и прочного строительства, то для меня, как для врача, он еще более важен, как средство, предупреждающее катастрофы и несчастия с рабочими. Из хирургической практики я знаю, как часты у нас эти несчастия при постройках с увечьями, жертвами и т. д. У нас за все время строительства (несколько лет при нескольких стах рабочих) таких несчастий не было, если не считать легких ушибов. Между тем в Саратове за это время такие случаи были, напр<имер>, провал стены со смертью рабочего при постройке дома Пташкина⁸⁵ (я был на месте катастрофы вместе с прокурором). Саратов<ский> У<ниверсите>т построен не на костях, - и для нас не звучит укором стих<отворение> поэта Некрасова про жел<езные> дороги и кости рабочих. На третий год, в разгар строительного периода, в городе развилась сильная холера. Благодаря принятым комиссией мерам (кипятильники, выдача денег на бани всем рабочим по субботам и др.) мы не имели ни одного холерного заболевания среди рабочих, которых в это время у нас

было больше 300 чел<овек>. И теперь, спустя долгие годы, эти факты мне доставляют высокое моральное удовлетворение. При постройке Саратовского университета нас миновала и эта «скверна», обычная при массовом скучении рабочих.

^{XVIII} Но, конечно, были, хотя и немногие, жертвователи: гласный думы И.А.Медведев⁸⁶ пожертвовал гинекологич<ескую> лечебницу (теперь гинекологическая клиника); б<ывший> редактор П.О.Лебедев (его семья) - стипендию⁸⁷. Ун<иверсите>т получил 3 прекрасных больших библиотеки от проф<ессора> И.А.Шляпкина, М.К.Ушкова и М.Н.Галкина-Врасского⁸⁸ и несколько меньших. Но самый ценный дар Ун<иверсите>т получил от моего друга и товарища, покойного проф<ессора> Н.П.Симановского⁸⁹, отдавшего все свое состояние, приобретенное тяжелым врачевн<ым> трудом, на постройку клиники, которая и выстроена потом под наблюдением проф<ессора> М.Ф.Цытовича⁹⁰ (его ученика).

артиста со сцены. Один знакомый подошел ко мне и сказал, что все дело произошло из-за меня: в одном из куплетов, оказывается, был грязный намек на меня, как строителя У<ниверсите>та, и возмущенная публика, не знавшая и не видевшая меня (я был далеко вне толпы), прогнала артиста.

Если относительно хорошо у нас шло дело строительства на месте, в Саратове, то далеко не так было в министерстве при рассмотрении и утверждении наших проектов. Когда был разработан второй проект анатомического института для 4-х кафедр (имеющих дело с трупами), на который не мало труда было затрачено, относительно которого я совещался со многими компетентными лицами (в Саратове, Казани, Петрограде, у нас были и заграничные планы, напр<имер>, 2-го Анатомического Института в Будапеште)^{XIX}, я поехал с этим проектом в министерство; для поддержания своего проекта и технических разъяснений я на этот раз взял с собой и нашего архитектора Мюфке. Министерство (вернее - его архитектор) взяло наш проект, но заседаний не назначало, мотивируя это тем, что ему нужно время ознакомиться с нашим проектом. Мы терпеливо ждали; наконец, назначено заседание. Председательствует директор департамента (он же и председатель строительного комитета); члены - несколько архитекторов и чиновники министерства; присутствует и Мюфке^{XX}. Я должен сказать, что пред заседанием один из членов (архитектор А., кажется, сотрудник архитектора мин<истерст>ва), отведя меня в сторону, вел со мной какой-то странный разговор, предлагая первые проекты предоставить архитектору мин<истерст>ва: построек-де будет много, останется и для нашего архитектора. Это уже походило на некрасивую какую-то торговую сделку, и я при начале заседания уже был настроен нервозно. Во время заседания бегло был рассмотрен наш проект, а затем председатель обратился к присутствующему здесь же архитектору мин<истерст>ва (он же и член комитета) и просил его предъявить свой проект в такой форме: «У Вас, кажется, есть ведь и свой проект?» Архитектор мин<истерст>ва вынул из портфеля свой проект (мне раньше даже не показанный). Все это было для меня совершенно неожиданно; я был ошеломлен всем происшедшим, но убедился даже при самом беглом осмотре, что в проекте архитектора мин<истерст>ва (представляющем списанный и измененный наш) много существенных дефектов и нарушений тех условий, которые мы предъявляем к специальным анатомическим зданиям (очевидно, он спешно составлялся, без всякого медицинского участия), причем, благодаря скученному и неправильному распределению помещений (а еще более благодаря тому, что высота помещений в обоих этажах значительно убавлена), проект являлся удешевленным сравнительно с нашим.

На это удешевление председатель комитета обратил особое внимание, добавив, что план этот (т. е. архитектора мин<истерст>ва) понравился и министру (нужно помнить, что министр - профессор-классик и, конечно, мало сведущ в анатомических институтах). Все происшедшее так меня взволновало, что я потерял душевное равновесие и в относительно резкой форме лаконически заявил протест. Я сказал, что считаю действия Строительного Комитета незаконными. «Комитет устроил какой-то странный конкурс проектов; конкурентом, выставляющим свой проект, является архитектор мин<истерст>ва, от которого зависит и одобрение проекта»^{XXI}. Мое заявление, конечно, произвело переполох, а председатель заметил мне, что все делается с ведома министра и, следовательно, в незаконии я обвиняю министра. Он добавил: «может быть, вы об этом сами доложите министру?» Я ответил, что «если он не находит возможным доложить, то, конечно, придется доложить мне». Заседание было прервано. Я должен здесь признаться в малодушии: заседание довело меня до слез⁹¹. Мы вышли из заседания вместе с Мюфке. Я извинился перед ним, что вовлек его в дело строительства У<ниверсите>та, где его и нас лица, власть имущие, попросту говоря, шельмуют, т. е., используя наш проект, затем его бракуют. Лично я расстроился до крайности; хорошо еще, в то время в Петрограде была со мной моя жена⁹²; она в этот день должна была выехать к детям в Казань; у ней уже был взят билет прямого сообщения до Казани. Я, однако,

XIX Очень большое внимание обращено на анатомические залы и секционные, двухсветные, со всеми приспособлениями. Хранение трупов разграничено (заразные и незаразные трупы), хорошие мацерационные, музейные помещения и аудитории. Часовня, связывающая 2 корпуса, представляет сзади вместе с колоннадой род памятника-мавзолея всем известным покойникам, которые после смерти обслуживают науку. Отдельные помещения (часовни) для христиан и инославных. Спереди оставлена ниша для бюста-памятника Пирогову⁹³.

XX Из академических деятелей в заседание был приглашен и был свидетелем описанной ниже сцены известный проф<ессор> гигиены Г.В.Хлопин⁹⁴, которому

приношу здесь благодарность за выраженное мне потом сочувствие и вообще за добрые советы, которые он мне не раз давал.

XXI По наведенным мною справкам, и в других у<ниверсите>тах строились (вернее, начали строиться) здания по проектам архитектора мин<истерст>ва; он составлял проекты, он же их и утверждал, получая, помимо жалованья, соответствующую плату. Своего рода «Калифорния!» За один только наш проект института экспериментальной медицины (разработанный нами, а им только попорченный) он получил, кажется, 5 тысяч рублей, что равнялось моему годовому содержанию в то время по должности профессора и ректора.

просил ее остаться, решив через день (следующий день был воскресный, не приемный) идти к министру с прошением об отставке. Усвоив себе от моей alma mater академический принцип, что чистое дело надо делать чистыми руками, я не мог поступить иначе. Так я и сделал, написал прошение об отставке (без всяких мотивов) и, положив его в карман, отправился к министру. Шварц, осведомленный, конечно, обо всем происшедшем (при входе к нему я столкнулся с выходящим от него председателем Строит<ельного> Комитета), встретил меня не с обычной любезностью^{XXII}, а с упреком: «Я не ожидал от вас этого; что это за заявление вы там сделали!» Я указал на то, что я человек пожилой, что мне уже трудно менять свои понятия о праве и справедливости, прибавив, что у меня есть взрослые дети, которые могут быть судьями моих поступков. «Что вы говорите! Объясните пожалуйста», - волнуясь и бледнея воскликнул Шварц. Тогда я ему рассказал историю с проектами, - с первым проектом архитектора мин<истерст>ва (вернее, изуродованным нашим), который я не опротестовал, так как мне сказали, что он очень понравился ему, Шварцу, и я надеялся при самой постройке исправить дефекты. Рассказал ему и историю второго проекта, упомянув и о той «делке», которую мне предлагали. «Я удивляюсь деморализации этих людей и ненасытности их appetitов», - сказал я министру. Все это произвело на него сильное впечатление; он как-то весь осунулся, опустил плечи. Формалист, законник, всегда строго стоявший на букве закона и еще недавно за хозяйственные беспорядки устранивший одного из видных научных деятелей Москвы от административно-хозяйственной должности, Шварц увидел только теперь, что его именем творят вблизи его дела гораздо худшие. Но он поступил корректно в этом тяжелом для него положении. Волнуясь, спавшимся голосом он сказал: «Дорогой Василий Иванович! Вы, конечно, поверите, что в этой грязи я не причем. Строительным делом занимаюсь не я, мне кое-что докладывают, а относительно проектов мне сказали, что они понравились Вам». Вот какая сложная велась игра... Министру говорили, что мне понравились проекты, а мне говорили, что проекты понравились министру и как бы обязательны для меня... Все время разговора министр сильно волновался, предложил даже странный для меня вопрос, - доверяю ли я товарищу министра Г.К.Ульянову⁹⁵ (Ульянову представлялись на утверждение протоколы заседания Строительного Комитета). Я ответил, что не смею сомневаться в его добросовестности. Тогда он просил меня как-нибудь уладить дело, переговорить с Ульяновым, сам по телефону договорился с ним о часе и месте свидания. Разговор с Ульяновым был очень продолжительный, около часу; ему хотелось как-нибудь свести на нет мое заявление «о незаконных действиях Строительного Комитета»; говорил он со мной осторожно, как бы нащупывая почву, в каких-то неопределенных выражениях. Все это до крайности меня измучило, - и я решил поговорить с ним начистоту. Я обратился к нему с[о] следующим словом: «Григорий Константинович! (раньше я называл его «Ваше Пр<евосходительст>во») Вы - профессор (он был раньше профессор университета, историк), и я, - давайте оставим дипломатию и поговорим по-профессорски; я очень хорошо понимаю положение дела, понимаю, что огласив порядки Строительного Комитета, я могу сделать мин<истерст>ву большую неприятность, и я бы сделал это, но мне жаль старого министра; я видел, как он страдал, после того, как я ему открыл глаза на то, что происходит в Строительном Комитете. Только поэтому я готов считать это дело ликвидированным»^{XXIII}. Таким обр<азом>, я вышел как бы победителем, послал даже телеграмму своим близким товарищам-саратовцам: «победа по всему фронту». Но торжество было преждевременно.

В министерстве сделаны были всевозможные усилия, чтобы дискредитировать и затормозить проект анатомического института. Но зато без всяких задержек прошел проект физического института, который мы ранее, до всех этих историй, по соглашению с В. Д. Зёрновым, поручили составить архитектору мин<истерст>ва (по наведенным справкам ему приходилось иметь дело с проектом такого рода, и он в этом деле разбирался лучше, чем в медицинских зданиях)⁹⁶. Что касается проекта анатомического института, судьба его была следующая. Перед отъездом из Петрограда я, чтобы обезоружить архитектора мин<истерст>ва (который, я не сомневался,

XXII До этого Шварц относился ко мне с большим доверием, не раз говорил мне комплименты; во время приездов в Петроград приглашал к участию в заседаниях, так называемого, «ученого комитета», где решались и важные для русских у<ниверсите>тов вопросы: так, при мне (и с моим участием) решался поднятый некоторыми юрьевскими профессорами вопрос о переходе Юрьев<ского> У<ниверсите>та в Псков; там же решались и некоторые личные вопросы; между прочим, по моей рекомендации командирован за границу б<ывший> проф<ессор> Саратов<ского> У<ниверсите>та (тогда

молодой доктор) Любенецкий⁹⁷ (питомец Казанского у<ниверсите>та, лично известный мне своей научной трудоспособностью).

XXIII Это было мое последнее свидание и с Ульяновым, и со Шварцем. Ульянов вскоре заболел и скончался. Один раз раньше он приезжал в Саратов, осматривал строительные работы, привозил с собой и архитектора министерства. У меня осталось впечатление, что он мало вникал в строительные дела. От Шварца я потом получил еще 2 письма, уже когда он был не у дел.

употребит все усилия, чтобы провести свой совершенно неприемлемый для нас проект), подал докладную записку, в которой подробно выяснил все отрицательные стороны проекта архитектора мин<истерст>ва (см.: Приложение Б.). Судьбы этой записки я не знаю, но после товарищ министра В.Т.Шевяков⁹⁸ (сменивший Ульянова) сообщил мне, что употреблены были со стороны чиновников мин<истерст>ва все усилия, чтобы провалить наш проект. И если в конце концов наш проект был утвержден и Саратов получил прекрасный анатомический институт (лучший в России), то это благодаря содействию Шевякова (к слову сказать, всегда благожелательно относившегося к Саратовскому Ун<иверсите>ту), а также и членов Думы Капустина и Алексеенко, которые, узнав от меня о всех порядках Строительного Комитета, в думской комиссии официально подняли вопрос об этих порядках, - и министерству пришлось их изменить (протоколы заседания комиссии с остроумными замечаниями Алексеенко об архитекторе мин<истерст>ва любезно были мне присланы М.Я.Капустиным).

Мое столкновение с министерством произошло ранней весной 1911 года; летом того же года председатель Строительного Комитета А.⁹⁹ (он же директор департамента) вышел в отставку по болезни (об этом я узнал из газет); архитектор мин<истерст>ва был заменен другим лицом^{xxiv}. Осенью того же года вышел в отставку и мин<ист>р Шварц; уже летом он устранил себя от дел; причина его выхода мне неизвестна; в одном из деловых писем (летом) ко мне он жаловался на болезнь¹⁰⁰.

В следующий приезд мой в Петроград (осенью 1911 года) я уже застал нового председателя Строительного Комитета, моего доброго знакомого по Казани, б<ывшего> попечителя Казанского округа С.Ф.Спешкова¹⁰¹, с которым я откровенно мог поговорить о порядках в Строительном Комитете; он в свою очередь поделился со мной некоторыми подробностями (весьма некрасивыми, на которые он натолкнулся) и выразил уверенность, что все эти порядки ему удастся изменить.

Действовал он решительно. Заседание для рассмотрения привезенного мной проекта хирургической клиники назначил тотчас же, и хотя в составе Комитета оставались еще сотрудники бывшего архитектора, которые сделали попытку затормозить проект на некоторое время, он категорически потребовал рассмотрения его тотчас, и проект, благодаря содействию С.Ф.Спешкова, быстро был утвержден. Вообще порядки при Спешкове были уже другие: уже не приходилось ходить с проектами и отыскивать архитектора мин<истерст>ва на службе и в его квартире (что тоже приходилось мне делать); новый архитектор для ускорения дела сам приезжал ко мне, отыскивал меня в меблированных комнатах, где я обычно останавливался. Все дело с проектом хирургической клиники <...> было покончено быстро, и я глубоко признателен С. Ф. Спешкову, освободившему меня от неблагоприятной канцелярской волокиты (да будет мир праху его!). Также легко проходили и следующие проекты клиник (терапевтической, Симановского)^{xxv}. Мне уже не приходилось ездить три-четыре раза в год за утверждением проекта, обивать министерские пороги и жить по несколько недель, ожидая рассмотрения проектов. Замечу здесь, что все поездки в Петроград (числом 9) я совершил за свой счет, не получая ни прогонных (т. е. на проезд), ни суточных, хотя чиновники в министерстве давали мне понять, что я могу получить таковые из строительных сумм, как лицо, совершающее служебные поездки^{xxvi}, но я боялся этого: это связало бы меня, так как тогда я частыми поездками до известной степени как бы участвовал в дележе строительных сумм. Мой отказ от вознаграждения в особенности пригодился мне при моем столкновении с[о] следующим министром, Л.А.Кассо, неожиданно из мрака неизвестности выплывшим в министры просвещения. Первое мое столкновение с Кассо произошло из-за

XXIV Проф<ессор> Капустин говорил, что после заседания думской комиссии была какая-то ревизия Строительного Комитета, - архитектор мин<истерст>ва Ш<ишко> будто бы устранил за медлительность в делах. Так ли это - наверное не знаю.

XXV Проект терапевтической клиники разрабатывался К.Л.Мюфке при содействии покойного проф<ессора> Н.Н.Кирикова¹⁰², который не мало поработал над этим проектом; проект хирургической клиники разрабатывался мной. Проект клиники Симановского, строящийся на пожертвованные им средства, по поручению Н.П.Симановского, также разрабатывал я, представляя ему для видоизменений и утверждения. В обоих проектах принимал деятельное участие, конечно, Мюфке. Эти три клиники построены окончательно (отопление, вентиляция и т. д.) в ректорство

П.П.Заболотнова, когда я уже не был членом строительной комиссии (см. ниже). Наступившая война и разруха помешали открыть эти клиники, которые и сейчас пусты, хотя и достроены. Некоторое время хирургическая клиника была использована военным ведомством под лазарет. Нервно-психиатрическая клиника (проект разработан при деятельном участии проф<ессора> А.М.Левковского¹⁰³) только начата (фундамент и часть первого этажа). В настоящее время (1925 г.) производится внутренняя отделка клиник хирургической и Симановского.

XXVI Сами чиновники в этом отношении не стеснялись. В Саратов ревизовать нас с товарищем министра Ульяновым приезжал и архитектор мин<истерст>ва и даже, если мне не изменяет память, не один, а еще с каким-то чиновником. Их путешествие, думаю, обошлось не дешево русской казне.

назначения профессоров и открытия физико-математического факультета в Саратове (который он отказывался открыть), но в особенно резкую форму оно вылилось по тем же строительным делам из-за отпуска средств на постройку зданий университета. Отпуск сумм на постройку происходил в таком порядке. После того, как годовая Государственная смета проходила через Госуд<арственную> Думу и Госуд<арственный> Совет и была утверждена высочайшей властью, министр разрешал сумму, определенную на строительные нужды ун<иверсите>та, расходовать. Разрешение давалось письменно, или даже телеграммой в Саратовск<ую> казенную палату. Деньги в Саратове всегда были, но без разрешения министра они не отпускались. Расчет с подрядчиками и рабочими производился по неделям, после приема и проверки работ (с участием государственного контролера). Задержка денег и расплаты с рабочими вела к серьезным последствиям. Поэтому в конце сметного года я напоминал министру отношениями, вслед за прохождением сметы в государственных законодательных учреждениях, прося тотчас же отпустить в наше распоряжение известную сумму, не задерживать, - и при Шварце этих задержек не было. Со вступлением же Кассо в управление министерством все мои просьбы, подкрепленные также ходатайством города, оставались тщетными: ни на бумаги, ни на телеграммы Кассо не отвечал, денег не было, работы не получали платы, работы останавливались и т. д. Странное поведение Кассо объясняется тем, что он в это время, по-видимому, слишком усердно занялся политикой (тогда произошло его столкновение с Государственной Думой, его репрессии в отношении Московского университета и т. д.) и очень мало делами ¹⁰⁴. Новый попечитель округа, назначенный Кассо, проф<ессор> Н.К.Кульчицкий, приехавший в Саратов весной (осматривавший и постройки), также оказывал мало содействия, хотя я и просил его об этом. Старый способ воздействия на министра через членов Думы (Капустина, Алексеенко) теперь уже был неприменим после столкновения министра Кассо с Думой. Хотя я и писал друзьям ун<иверсите>та об этом (обоим - Капустину и Алексеенко), но результата не ожидал. В это же время я получил распоряжение министра о подчинении Саратовского у<ниверсите>та Казанскому попечителю (в отмену распоряжения министра Шварца) и о том, чтобы по всем делам обращаться не непосредственно к министру, как это было раньше, а через попечителя округа, т. е. через Казань (отстоящую 800 верст от Саратова ^{XXVII}) ¹⁰⁵. Это ставило университет в крайне тяжелое положение, в особенности в строительных делах: министерство уже начало направлять дела (и строительные) не прямо в Саратов, а через округ.

Я сделал последнюю попытку спасти положение: написал министру Кассо длинное официальное письмо (вернее - докладную записку), подробно излагая строительные затруднения и прося его по-прежнему разрешить сноситься непосредственно с министерством, а не через округ. Я получил на этот раз скоро лаконичский ответ: для Саратовского у<ниверсите>та он не может делать никаких исключений. И вот, началась бюрократическая волокита через округ, задержка смет (особенно задержались сметы на электрическое оборудование), отпуска денег и т. д. Тем временем я, по-видимому, уже попал «в опалу», пошли какие-то слухи о ревизии строительства, я начал получать служебные замечания от нового попечителя округа ^{XXVIII}. К этому времени, кажется, попали в опалу и мои ближайшие сотрудники; должен был выйти из проректоров В.В.Вормс (на необходимость выхода из проректоров ему указал властный попечитель Кульчицкий ¹⁰⁶), а старый мой друг проф<ессор> А.Я.Гордягин (неизменный член строительной комиссии, много поработавший также по разработке проекта физико-математического факультета в Саратове) был без его согласия (и вопреки его желанию) переведен в Казань (о переводе он узнал из газет) ¹⁰⁷. Вот до какой бесцеременности дошли тогда Кассо и его приспешники в обращении с профессорами!.. Я понял, что я человек нежелательный для Кассо, и решил оставить ректорство, тем более, что открывать другие факультеты Кассо не хотел, а на медицинском факультете проекты главных

^{XXVII} Простой расчет: от Саратова до Петрограда почта едет 2 дня; от Саратова через Казань в Петроград она пройдет неделю, да залежится в канцелярии попечителя с неделю, и это - нам показал опыт - в наилучшем случае; назад из Петрограда тот же путь 2-х недельный через Казань. И вот, в результате, вместо 4 дней туда и обратно - около месяца. В строительных работах, когда одна работа задерживает другую, напр<имер>, штукатурки столяров и т. д., задержка к<акой>-л<ибо> сметы, разрешения останавливает все дело. Но Кассо смотрел, очевидно, на дело так: «fiat subordinatio, pereat mundus!» ¹⁰⁸.

^{XXVIII} Опальность свою я в особенности почувство-

вал после того, как в Университете получено было распоряжение попечителя округа о замещении кафедры, до сих пор занимаемой мной, другим лицом. Это был вообще тяжелый период; черная туча нависла над Саратовским Ун<иверсите>том; прекратил существование, по требованию попечителя, научный студенческ<ий> кружок имени Н.И.Пирогова, должны были прекратиться, по его же требованию, частные (семейные) собрания преподавателей У<ниверсите>та; едва удалось отстоять от исключения 7 человек студентов; попечитель сам приехал на годичный акт (6-го декабря) и потребовал от меня, чтобы на акте не было речей частных лиц и т. д.

клиник факультетских были уже разработаны и утверждены (две клиники уже вчерне и выстроены), открыты четыре курса (и выбраны профессора); разработана смета последнего 5-го курса (для внесения в Госуд<арственную> Думу), и с окончанием срока (трехлетнего) ректорства я заявил товарищам (1912 г.), что ректором я не останусь¹⁰⁹, но все же я еще несколько месяцев должен был исполнять обязанности ректора и председателя строительной комиссии (по закону, до выбора нового ректора). За это время после долгих раздумий я сделал последнюю попытку воздействия на Кассо относительно строительных дел и решил прибегнуть к следующему героическому средству. Переговорив с управляющим казенной палатой Н.Н.Лаппа^{XXIX}, который являлся представителем Министерства финансов (он же был и членом строительной комиссии), я в заседании строительной комиссии, в присутствии Н.Н.Лаппа, изложил все дело моей переписки с министром Кассо, его невнимательное отношение к нашим строительным нуждам, отметив, что от такого отношения министра к делу страдают интересы казны (действительно, тормозилась постройка, приходилось переплачивать лишние деньги, нарушать свои обязательства и т. д.). Н.Н.Лаппа, как представитель ведомства финансов, взял копию протокола этого заседания, в которой подробно было занесено мое заявление (длинная докладная записка), и представил все дело своему министру финансов Коковцеву¹¹⁰, который тогда пользовался большим влиянием и был председателем Совета министров. Как было дело дальше - не знаю, но, несомненно, у Коковцева с Кассо был какой-то разговор, так как после этого Кассо перестал скрывать свое неприязненное отношение ко мне и вскоре прислал распоряжение о замене меня, как ректора и председателя строительной комиссии, другим лицом^{XXX} и за меня пострадали даже некоторые мои ассистенты, выбранные профессорами: Кассо их не утвердил, когда узнал, что они мои ассистенты. Со мной, как с заслуженным профессором (каковым я уже был к этому времени, прослужив 25 лет преподавателем университета), он по закону ничего не мог сделать: заслуженный профессор имел право оставаться профессором, на это не требовалось согласия министра, да и устранять меня от профессуры было слишком неудобно, так как я в то время уже был почетным членом ряда ученых обществ (столичных и провинциальных); но министр мог лишиться меня штатной кафедры, что и было сделано в отношении меня.

Таким образом, все же в конце концов я пострадал за строительные дела. И только уже потом, в министерство П.Н.Игнатьева¹¹¹ (благожелательно относившегося к делу высшего образования)^{XXXI}, приехавший в Саратов товарищ министра В.Т.Шевяков, осмотрев выстроенные здания, выразил мне благодарность за все труды по строительству и организации университета и усиленно просил меня от имени министра Игнатьева вновь взять на себя ректорство и продолжать строительство университета (это было уже во время войны). Другой наградой для меня было (еще ранее) письмо бывш<его> министра А.Н.Шварца, когда он уже был в отставке (вернее - устранил себя от дел; отставка ему дана несколько позже). Письмом он спрашивал меня об одном частном деле (о замещении одной кафедры в Саратове); в ответ я ему сделал приписку, что от работы с ним у меня остались хорошие воспоминания. Поняв из моей приписки, что я не виню его за некрасивые дела Строительного Комитета и мои тяжелые переживания, он ответил мне следующим искренним письмом: «Глубокоуважаемый Василий Иванович! От всей души благодарю Вас за скорый и подробный ответ и особенно за добрый смысл заключительных слов. Смею Вас уверить, что Вы имеете во мне искреннего почитателя, который давно уже оценил Вашу беззаветную преданность делу. Искренно Вас уважающий и преданный Вам А.Шварц. 30 мая 1911 г.». Наивысшую же благодарность и награду я получил от Саратовского университета, почтившего меня в 1916 г. избранием в почетные члены у<ниверсите>та¹¹².

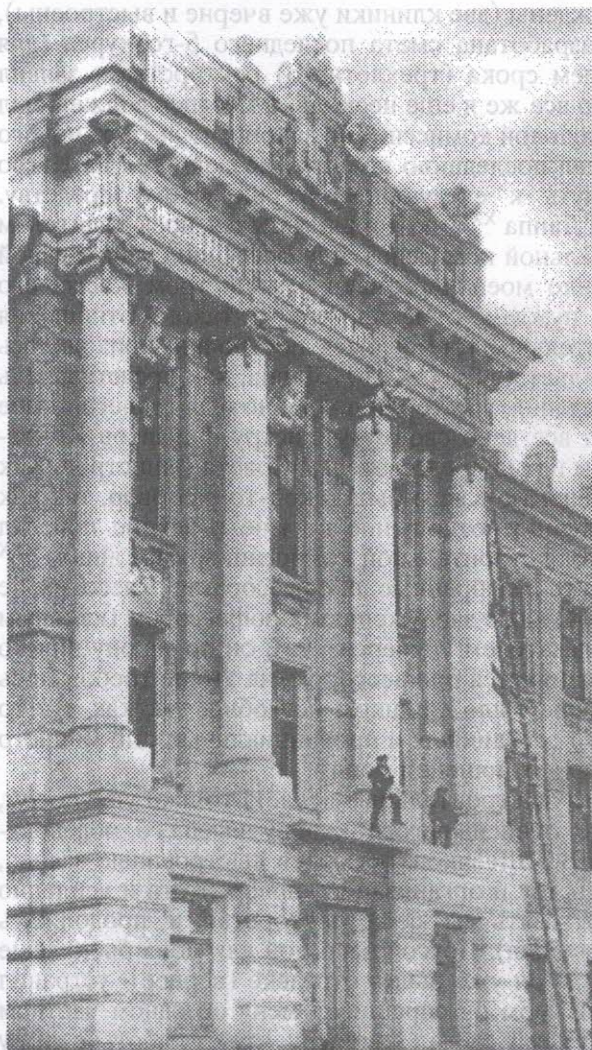
XXIX Н.Н.Лаппа, по образованию - естественник Московск<ого> у<ниверсите>та, очень благожелательно относился к Саратовскому у<ниверсите>ту и не мало поработал для него, как член строительной комиссии, всегда посещавший заседания.

XXX Приказ о моем устранении от должности ректора и председателя строительной комиссии, сделанный спешно и противозаконно (до выбора нового ректора я должен был остаться в этой должности по закону), был прислан в У<ниверсите>т вскоре после акта (6-го декабря), где я был председателем и где присутствовал попечитель. По его отношению ко мне я догадывался, что относительно меня приняты решительные меры. Но, очевидно, зная добрые отношения ко мне студенчества, - всегдашних неизменных моих друзей, - не решались применить ко мне эту меру до акта. Акт прошел благополучно, и со мной перестали стесняться. Интересно, что к

этому акту министр Кассо не прислал обычного приветствия Саратовскому У<ниверсите>ту; приветствие было только от товарища министра Шевякова. (В предыдущий год Кассо прислал приветствие Университету и лично мне).

XXXI Игнатьев согласился не только на открытие физико-математическ<ого>, но и истор<ико>-филолог<ического> ф<акульте>та при Саратов<ском> У<ниверсите>те. Проект физико-математическ<ого> ф<акульте>та был разработан нами еще при Кассо, проект же историко-филологическ<ого> ф<акульте>та разработан при Игнатьеве комиссией из профессоров саратовских (Преображенский¹¹³, Какушкин¹¹⁴, Боев¹¹⁵) и киевских (Н.М.Бубнов¹¹⁶ и др.) под моим председательством. Проект этот (с докладной запиской от Совета Ун<иверсите>та) мной лично представлен Игнатьеву, по поручению Совета Университета¹¹⁷.

Фасад центрального входа I-го корпуса Института экспериментальной медицины. Фото 1911 года.

На вкладке: Портрет профессора В.И.Разумовского, работы его дочери, художницы Ю.В.Разумовской (1929 год).

Закладка фундамента под Физический институт (III корпус СГУ). Фото 1911 года.

Архитектор-строитель университета К.Л.Мюфке (слева) и архитектор-художник В.Ф.Караулов. Фото 1911 года.

Испытание железобетонных перекрытий в здании университета. Фото 1912 года.

I и II корпуса Института экспериментальной медицины. Общий вид с Московской площади. Фото 1912 года.

Все эти воспоминания о строительстве и связанных с ним переживаниях я закончу благодарностью моим товарищам по строительной комиссии: проф<ессорам> И.А.Чуевскому, В.В.Вормсу, А.Я.Гордягину, В.Д.Зёрнову, Н.Г.Стадницкому, П.П.Заболотнову и другим сотрудникам профессорам, привлекавшимся к работам строительной комиссии.

Приношу благодарность и членам строительной комиссии от города, безвозмездно работавшим: М.Ф.Волкову, В.Д.Захарову, В.А.Коробкову, Г.Г.Дыбову и А.М.Никитину. Последних нет уже в живых, да будет им вечная память! С чувством признательности вспоминаю я и о Н.Н.Лаппа (также покойном), который мне помогал не мало, в особенности в период моего столкновения с Кассо. Добрым словом должен вспомнить и представителя контроля, много потрудившегося П.И.Архангельского, а также С.И.Купцова, все время работавшего за самое малое вознаграждение делопроизводителем строительной комиссии, и покойного А.М.Салько, архитектора университета, все время также работавшего в комиссии. Что касается архитектора-строителя К.Л.Мюфке, то имя его, конечно, навсегда будет связано с Саратовским университетом. Министерство, в лице Шевякова, также впоследствии оценило его труды, и ему предложено было разрабатывать план другого нового университета - Пермского ¹¹⁸.

Все мы тогда работали дружно *viribus unitis* ¹¹⁹, воодушевляемые идеей служения родине и науке. Для всех нас призывом звучали торжественные звуки кантаты, исполненной хором и оркестром Саратовской консерватории (слова покойного М.Я.Горделя ¹²⁰, музыка С.К. фон Экснера ¹²¹):

День этот славный, как знамя победное,

Дорог и памятен будет всегда;

День этот - светоч, едва загоревшийся

Над колыбелью священной труда.

Мирный и благостный, пусть разгорается

Пламенем ярким забрезживший свет,

Свет исцеляющий, свет примиряющий

В мире страданий и бед.

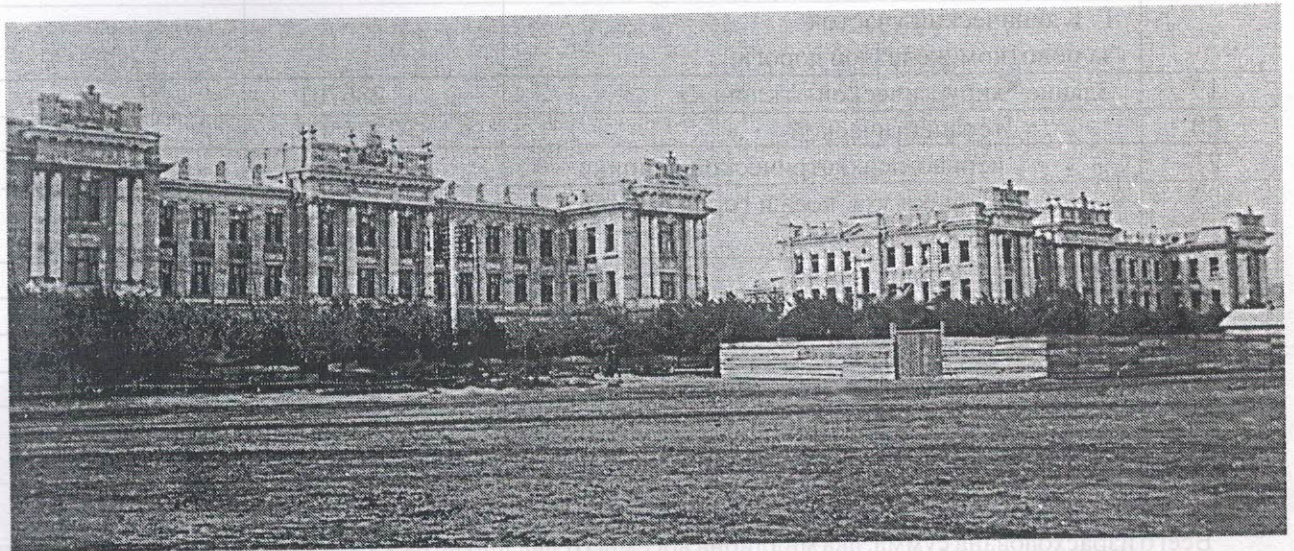
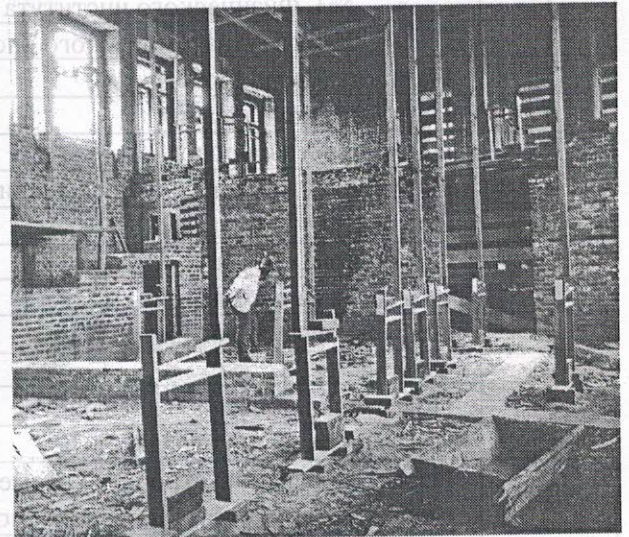
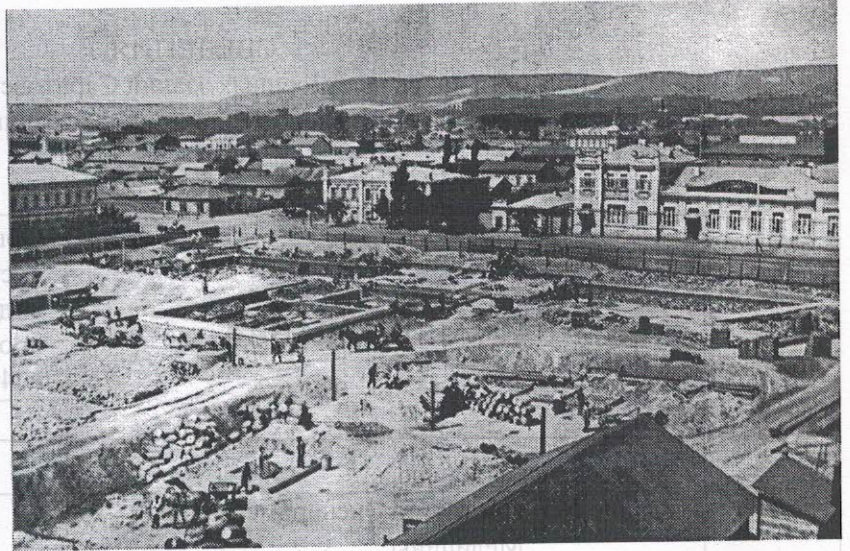
Жаждущим знаний, в потемках блуждающим

Он озаряет дорогу кругом...

Всем, охраняющим пламя священное,

В день этот радостный славу поем...

Приложение А.

СВЕДЕНИЯ
о стоимости вновь выстроенных зданий Саратовского Университета
(Составлено техником С. Рагозиным)

№№ по порядку	НАЗВАНИЕ ЗДАНИЙ	Общая стоимость постройки зданий с устройством отопления, внутреннего водопровода, канализации, газопровода, электрического освещения и 4% расхода на технический надзор	
		Рубли	Копейки
	А. Московская площадь:		
1	Здание №1. Института Экспериментальной Медицины	409180	34
2	Здание №2. То же	420631	65
3	» №3. Физического института	311620	21
4	» №4 и 5. Анатомического института	549744	24
5	Наружный водопровод	4598	40
6	Наружная канализация	7961	63
7	Наружный газопровод	12413	94
8	Наружное электрическое освещение	2499	70
9	Дренаж	23991	-
10	Спланировка двора	14496	-
11	Отмостки около зданий	1810	-
12	Асфальтовые дороги и тротуары	27065	53
13	Фонтан	1550	-
14	Подготовка почвы под посадки	2943	07
15	Часть постоянной ограды	2800	-
16	Израсходовано на устройство временных оград, сараев, водопровода, баков, водоемов и т. д.	26700	30
17	Б. Здание газового завода	77544	99
18	В. Здание пристройки к городской больнице	65562	13
	Г. Клинический участок за полотном железной дороги:		
19	Здание хирургической клиники	286701	77
20	» терапевтической «	276500	-
21	» нервно-психиатрической клиники	85654	80
22	» клиники уха, носа и горла им<ени> проф. Симановского	135000	-
23	Наружный водопровод	5125	14
24	Наружная канализация	21305	33
25	Дренаж	25122	-
26	Фонтан	1960	-
27	Израсходовано на устройство временных оград, сараев, водопровода, водоемов и т. д.	20004	30

Всего израсходована сумма: два миллиона восемьсот двадцать тысяч четыреста восемьдесят шесть рублей 47 коп. (2.820.486 р. 47 к.).

Докладная записка министру народного просвещения.

АНАТОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сравнительная оценка проектов Ш<ишко> и Мюфке.

<p>В эскизном проекте, составленном Ш<ишко> (архитектором министерства нар<одного> просв<ещения>)</p>	<p>В эскизном проекте, составлен<ом> К. Л. Мюфке (архитектором-строит<елем>)</p>
<p>I. а) Кафедра патологической анатомии помещена частью в первом этаже, частью во втором, а аудитория для этой кафедры (общая с другими двумя кафедрами) проектирована в третьем этаже. Такая разбросанность помещений представляет, несомненно, большое неудобство. Например, профессор должен из своего кабинета в первом этаже подниматься для чтения лекций в третий этаж; туда же нужно таскать препараты и т. д.</p> <p>б) Кабинет профессора мал (5,40 кв. саж<еней>).</p> <p>в) Помещение для прозекторов (одна комната) недостаточно (9,10 кв. саж<еней>).</p> <p>II. а) Кафедра судебной медицины также размещена в двух этажах (первом и втором), а аудитория в третьем.</p> <p>б) Музей судебной медицины и приемная помещены отдельно от других помещений кафедры за вешалками для верхнего платья.</p> <p>в) Приемная не на месте, так как желательно, чтобы она была поближе к трупному отделению (для составления протоколов, выдачи справок о трупах и т. п.).</p> <p>г) В комнате для практических занятий мало окон (только два).</p> <p>III. Кафедра оперативной хирургии:</p> <p>а) Зал для практических занятий по оперативной хирургии во втором этаже помещен среди комнат судебной медицины, так что пройти в него из остальных помещений оперативной хирургии, находящихся в 3-м этаже, можно только через помещения, принадлежащие другой кафедре.</p> <p>б) Кабинет профессора очень мал (4,40 кв. саж<еней>) и помещен в закоулке коридора.</p> <p>IV. Кафедра нормальной анатомии:</p> <p>а) Аудитория помещена в третьем этаже, а секционные залы, где производится препаровка и подготовка трупов, во втором этаже в другом конце здания, так что придется таскать оттуда трупы в аудиторию по коридору и по парадной лестнице.</p> <p>б) Комната для занятий по гистологии помещена за вешалками верхнего платья и для занятий с микроскопами недостаточно освещена.</p>	<p>Все помещения кафедры патологической анатомии находятся в одном (первом) этаже.</p> <p>Аудитория (общая) во втором этаже.</p> <p>..... 6,30 кв. саж<еней>.</p> <p>..... две комнаты</p> <p>9,80+4,72=14,52 кв. саж<еней>.</p> <p>Все помещения в одном (втором) этаже.</p> <p>Приемная находится около помещения для вскрытия трупов.</p> <p>Освещается четырьмя окнами.</p> <p>Вход в зал для практических занятий по оперативной хирургии проектирован непосредственно с лестницы, отдельно от помещений судебной медицины.</p> <p>..... 5,81 кв. саж<еней>.</p> <p>Аудитория и секционные залы помещены в одном этаже и трупы перевозятся в аудиторию только по коридору.</p> <p>Эта комната освещена четырьмя большими окнами.</p>

<p>В эскизном проекте, составленном Ш<ишко> (архитектором министерства нар<одного> просв<ещения>)</p>	<p>В эскизном проекте, составлен<ном> К. Л. Мюфке (архитектором-строит<елем>)</p>
<p>в) Препараторская помещена в первом этаже (тоже за вешалками), а аудитория - в третьем, что, конечно, крайне неудобно.</p>	<p>Препараторская находится около аудитории во втором этаже.</p>
<p>V. Отделение для трупов: а) Помещение для хранения трупов каф<едры> нормальной анатомии темное (т. к. окна спроектированы под наружным крыльцом) и проходное. б) Не соблюдена изоляция заразных трупов*. в) Часовня проходная, так как со двора в средний коридор и в помещения для вскрытий можно пройти (напр<имер>, полиции, судебным властям и т. п.) только через часовню.</p>	<p>Помещение светлое и не проходное. Заразные трупы отделены от незаразных (места хранения). Часовня не проходная.</p>
<p>VI. Общие замечания: а) Вестибюли очень мизерны. б) Отсутствие широкого коридора около аудитории и т. д. в) Парадные лестницы далеко не парадны, с крутым подъемом и слишком сужены (ширина лестничной клетки 6 арш<ин>). г) Лестничная клетка около секционных зал, где будет заниматься очень много студентов, шириною только четыре аршина, как это делается только для черных лестниц. д) Из третьего этажа в каждом крыле здания ведет вниз только одна лестница, что признавалось Строительным Комитетом при рассмотрении первоначального эскиза К. Л. Мюфке опасным в пожарном отношении. В проекте Ш<ишко> - в третьем этаже прибавлены еще большие аудитории и, несмотря на это, проектирована только одна лестница. е) Из каждой аудитории имеется только по одному выходу для студентов (кроме профессорского). ж) В аудитории против глаз лекторов имеются большие окна, начинающиеся на полтора аршина от пола, как это показано в разрезе. На подобное расположение окон указывалось Строительным Комитетом при рассмотрении одного из первых эскизов К.Л.Мюфке, как на существенный недостаток. з) Высота аудиторий недостаточна, в особенности у стен, где она всего около семи аршин. и) Высота для больших зал музеев шесть аршин мала.</p>	<p>Ширина лестниц 7 1/2 аршин. Ширина 5 аршин. Две лестницы. Два выхода для студентов и один для профессора. Прямо против глаз лектора окон нет, а боковые окна в противоположной лектору стене находятся высоко от пола. Высота аудиторий 10 аршин. Высота музеев 7 арш<ин>.</p>

Ректор Саратовского Университета Заслуженный Профессор В. Разумовский.

* Студенты I-II курсов изучают описательную анатомию на незаразных трупах; подвергать их риску заражения не следует. Иное дело студенты высших курсов, которые должны изучать патологическую анатомию и заразных болезней, - там соприкосновение с заразными трупами (и больными) неизбежно. Проект Ш<ишко> нарушает основное положение медицины: «*primum ne nocuas*»¹²².

Комментарии

¹ «Желающего судьба ведет, не желающего - тащит» (лат.).

² Указ о «Временных правилах об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» (27 авг. 1905 г.), отменяя многие статьи Университетского устава 1884 года, даровал университетам выборность ректора, проректора и внутреннее самоуправление профессорских коллегий.

³ Разумовский В.И. Хирургические воспоминания. Очерк 2: К истории замещения хирургических кафедр в России //Новый хирургический архив. Екатеринослав, 1924. Т. V, кн. 3-4 (№ 19-20). С. 421-434.

⁴ *Зайцев Александр Михайлович* (1841-1910), химик-органик, чл.-кор. Петерб. АН (1885); проф. Казан. ун-та (с 1871); *Загоскин Николай Павлович* (1851-1912), историк; с 1879 г. проф., в 1906-1909 гг. ректор Казан. ун-та; *Александров Александр Иванович* (1861-1918), филолог, языковед; в 1889-1913 гг. проф., в 1905-1911 гг. декан ист.-филол. ф-та, в 1908-1909 гг. и. о. ректора Казан. ун-та, с 1911 г. проф. Петерб. духовной академии; *Любимов Николай Матвеевич* (1852-1906), патологоанатом и обществ. деятель; в 1885-1906 гг. проф., в 1905-1906 гг. ректор Казан. ун-та.

⁵ *Архангельский Константин Федорович* (1870-1905), фармаколог, проф. Казан. ун-та.

⁶ *Тонков Владимир Николаевич* (1872-1954), анатом, акад. АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1934), генерал-лейтенант мед. службы.

⁷ *Вагнер Егор Егорович* (1849-1903), химик-органик; в 1886-1903 гг. проф. Варшав. ун-та.

⁸ *Реформатский Сергей Николаевич* (1860-1934), химик-органик, чл.-кор. АН СССР (1928); в 1891-1934 гг. проф. Киев. ун-та; брат А. Н. Реформатского.

⁹ *Альбицкий Алексей Андреевич* (1860-1920), химик-органик; в 1902-1903 гг. проф. Казан., с 1903 г. Харьков. ун-тов.

¹⁰ *Реформатский Александр Николаевич* (1864-1937), химик-органик; с 1900 г. проф. Высших женских курсов в Москве, после 1917 г. работал в различных вузах страны; брат С. Н. Реформатского.

¹¹ *Арбузов Александр Ерминингельдович* (1877-1968), химик-органик, акад. АН СССР (1942); в 1911-1930 гг. проф. Казан. ун-та, в 1930-1963 гг. Казан. хим.-технол. ин-та.

¹² *Канонников Иннокентий Иванович* (1854-1902), химик-органик; в 1884-1886 гг. проф. Моск., в 1886-1902 гг. Казан. ун-тов.

¹³ *Панормов Алексей Александрович* (1859-1927), химик; в 1894-1927 гг. проф. Казан. ун-та.

¹⁴ См.: Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904. Т. 1-4. Казань, 1902-1904.

¹⁵ *Бодуэн де Куртене Иван Александрович* (1845-1929), рус. и польск. филолог, языковед, чл.-кор. Петерб. АН (1897).

¹⁶ См.: Александров А. И. Открытие Императорского Николаевского университета в г. Саратове и 100-летний юбилей С.-Петербургской Духовной Академии // Учен. зап. Казан. ун-та. Год LXXVII. Кн. III. Март. Казань, 1910.

¹⁷ *Петров Николай Васильевич* (1859-?), патологоанат, профессор.

¹⁸ *Заболотнов Петр Павлович* (1858-1935), патологоанатом; в 1911-1926 гг. проф., в 1913-1918 гг. ректор Саратов. ун-та.

¹⁹ *Мельников-Разведенков Николай Федорович* (1866-1937), патологоанатом, акад. АН УССР (1927); в 1902-1920 гг. проф. Харьков., в 1920-1925 гг. Кубан. ун-тов; см. его статью: «Памяти Николая Матвеевича Любимова» // Харьков. мед. журнал. 1906. Т. 1, № 4. С. 349.

²⁰ См.: Разумовский В.И. Речь профессора В.И.Разумовского, сказанная в Университете над гробом почившего ректора Н. М. Любимова. Казань, 1906.

²¹ *Шварц Александр Николаевич* (1848-1915), филолог-классик; в 1884-1900 гг. проф. Моск. ун-та; в 1900-1902 гг. попечитель Рижск., в 1902-1905 гг. Варшав., в 1905 г. Моск. учебных округов; в 1908-1910 гг. министр народного просвещения.

²² *Капустин Михаил Яковлевич* (1848-1920), гигиенист и общественный деятель, кадет; в 1887-1907 гг. проф. Казан. ун-та; депутат III Гос. Думы.

²³ *Алексеев Михаил Мартынович* (1847-1917), проф. финансового права, октябрист, председатель Бюджетной комиссии в III и IV Гос. Думах.

²⁴ *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834-1907), ученый-химик, чл.-кор. Петерб. АН (1876); в 1865-1890 гг. проф. Петерб. ун-та.

²⁵ *Арнольдов Владимир Андреевич* (1861-1941), гигиенист; в 1912-1930 гг. проф., с 7 мая по 28 сент. 1918 г. и. о. ректора Саратов. ун-та.

²⁶ *Мюфке Карл Людвигович* (1868-1933), архитектор-художник, строитель корпусов и клиник Саратов. ун-та; в 1920-1923 гг. проф. гражданской архитектуры и архитектурных форм Саратов. политех. ин-та.

²⁷ *Шварц Иван Григорьевич* (Егорович); [Johann Georg] (?-1784), филолог; в 1779-1782 гг. проф. Моск. ун-та; прадед А.Н.Шварца.

²⁸ *Айналов Дмитрий Васильевич* (1862-1939), историк искусства, чл.-кор. Петерб. АН (1914); в 1900-1903 гг. проф. Казан., с 1903 г. Петерб. ун-тов.

²⁹ К 1908 г. общее число вольнослушательниц в России достигло 2 тыс. человек, что составило почти половину всех вольнослушателей, посещавших в это время российские ун-ты (см.: Иванов А.Е. За право быть студенткой // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 206-210). 16 мая 1908 г. появился специальный правительственный циркуляр, категорически запрещающий прием женщин в университеты. Однако по «Высочайшему повелению» от 29 октября того же года было «милостивейше» разрешено «допущенным по настоящее время, вследствие неправильного толкования закона, в высшие учебные заведения в качестве посторонних слушательниц лицам женского пола окончания слушания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях». (Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 10. С. 106; № 12. С. 42). Отношение А.Н.Шварца к указанным событиям хорошо видно из его письма к С.И.Соболевскому от 30 авг. 1908 г.: «Что касается посторонних слушательниц, то, откровенно говоря, тут и вопроса никакого нет: набудили гг. профессора, надули барышень <...>, - им и поправлять дело. И казанским, и харьковским профессорам я уже отвечал, что, по-моему, они или должны устроить переход девушек на Высшие женские курсы, или дочитать им то, что они им, а не государство, обещали, в любом помещении города». (Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 279).

³⁰ *Витте Сергей Юльевич*, граф (1849-1915), государственный деятель; в 1892-1903 гг. министр финансов, в 1903-1905 гг. председатель Комитета министров, в 1905-1906 гг. председатель Совета министров.

³¹ Кондаков Никодим Павлович (1844-1925), историк византийского и др.-рус. искусства, акад. Петерб. АН (1898) и Рос. АН (1917); с 1920 г. жил за границей.

³² Батуев Николай Александрович (1855-1917), анатом; в 1897-1900 гг. проф. Петерб. женского мед. ин-та, затем Новорос. (Одесского) ун-та.

³³ Ушинский Николай Григорьевич (1863-1934), патологоанатом и бактериолог; в 1895-1907 гг. проф. Варшав. ун-та, в 1922-1934 гг. работал в вузах Одессы, Ленинграда и Баку.

³⁴ Чуевский Иван Афанасьевич (1857-1926), физиолог; в 1908-1909 гг. проф. Казан., в 1909-1926 гг. Саратов. ун-тов.

³⁵ Коломнин Сергей Петрович (1842-1886), хирург; в 1879-1886 гг. проф. Петерб. Медико-хирургической академии.

³⁶ Грубер Венцеслав Леопольдович (1814-1890), анатом, акад. Петерб. АН (1872); в 1856-1860 гг. директор анатом. ин-та, в 1860-1887 гг. заведующий кафедрой практической анатомии Петерб. Медико-хирургической академии.

³⁷ Разумовский В. И. Хирургические воспоминания. Предисловие и очерк 1: Моя научно-хирургическая деятельность до профессорства //Новый хирургический архив. Екатеринбург, 1923. Т. III, кн. 1 (№ 9). С. 3-20.

³⁸ Стадницкий Николай Григорьевич (1869-1952), анатом; в 1909-1930 гг. проф., в 1912-1914 гг. и. о. ректора Саратов. ун-та.

³⁹ Богомолец Александр Александрович (1881-1946), патофизиолог, акад. (1932) и вице-президент (1942) АН СССР; в 1911-1925 гг. проф. Саратов. ун-та.

⁴⁰ Вормс Владимир Васильевич [наст. имя - Адольф Владимир Вильгельм] (1868-1941), ученый-химик; в 1909-1930 гг. проф. Саратов. ун-та, с 1930 г. Саратов. мед. ин-та.

⁴¹ Хомяков Николай Алексеевич (1850-1925), крупный помещик, октябрист; в 1886-1896 гг. смоленский губернский предводитель дворянства; в 1896-1902 гг. директор Департамента земледелия в Министерстве земледелия и государственных имуществ; в 1906 г. чл. Гос. Совета, депутат II, III и IV Гос. Дум, председатель (до марта 1910 г.) III Гос. Думы.

⁴² Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911), государственный деятель; в 1903-1906 гг. саратовский губернатор, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров.

О поддержке Столыпиным идеи учреждения Саратовского университета подробнее см.: Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909-1917). Саратов, 1999. С. 37-40.

⁴³ Ковалевский Максим Максимович (1851-1916), историк, юрист, социолог; в 1878-1887 гг. проф. Моск. ун-та; депутат I Гос. Думы, чл. Гос. совета (с 1907).

⁴⁴ Акимов Михаил Григорьевич (1847-1914), в 1905-1906 гг. министр юстиции, в 1907-1914 гг. председатель Гос. Совета.

⁴⁵ Гордягин Андрей Яковлевич (1865-1932), геоботаник, чл.-кор. АН СССР (1929); в 1909-1914 гг. проф. Саратов. ун-та.

⁴⁶ Янишевский Дмитрий Ерастович (1875-1944), геоботаник, флорист и морфолог; в 1918-1931 гг. проф. Саратов. ун-та.

⁴⁷ Купцов Сергей Ильич (1868-после 1925), в 1909-1918 гг. секретарь Правления и Совета Саратов. ун-та.

⁴⁸ Калязин Петр Федорович, экзекутор Саратов. ун-та.

⁴⁹ Плюшков Сергей Петрович, бухгалтер Саратов. ун-та.

⁵⁰ Коробков Владимир Аполлонович (1847-1919), юрист; в 1905-1913 гг. городской голова Саратова.

⁵¹ Никольский Николай Иосифович (Осипович), член Саратов. городской управы, заведовавший в ней отделом народного образования и школьными помещениями.

⁵² Салько Алексей Маркович (1838-1918), инженер-архитектор, в 1870-1914 гг. городской архитектор Саратова, гласный городской Думы (с 1875).

⁵³ Волков Михаил Федорович (1853-1934), врач-офтальмолог и общественный деятель; в 1891-1917 гг. гласный Саратов. городской Думы, в 1913-1917 гг. городской голова. Автор неопубликованных воспоминаний (Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская Дума. 1906-1909 гг. Машинопись //Сарат. обл. музей краеведения. Коллекция П.А.Козлова-Свободина. № 27745).

⁵⁴ Бируков Борис Ионович (1873-?), зоолог; в 1909-1922 гг. проф. Саратов. ун-та; с 1922 г. жил за границей.

⁵⁵ В целях выяснения создавшихся обстоятельств, связанных с переводом Варшавского университета, а по сути дела, для выработки законопроекта об учреждении нового университета, по распоряжению министра народного просвещения Петра Михайловича Кауфмана (1857-1926) 22 ноября 1906 г. была образована особая комиссия под председательством профессора Владимира Прохоровича Амалыцкого (1860-1917). В её состав вошли также профессор Варшавского университета: Николай Николаевич Любович (1855-1935), Иван Порфирьевич Филевич (1856-1913), А.П.Щербаков и Г.Д.Демченко. Ей поручалось: «1. Обсудить с представителями городского управления: а) условия отпуска предполагаемого городом пособия на устройство и оборудование университета; б) наметить для предполагаемых университетских построек, а также ботанического сада, подходящие площади из числа предлагаемых городом; в) обсудить вопрос о необходимых временных помещениях для университета в первые годы его деятельности впредь до постройки постоянных учреждений...» (ГАСО. Ф. 5, оп. 1, д. 2344, л. 20, 139). С декабря 1906 по январь 1907 г. комиссия провела 42 заседания; упразднена была в мае 1908 г.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Казанский М.В. О торжестве открытия Саратовского университета 6-го декабря 1909 года. Казань, 1910; Соломонов В.А. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет первых профессоров и студентов Саратовского университета. Саратов, 2000. С. 48-67.

⁵⁷ Закон об учреждении Томского университета был подписан в 1880 г., а его торжественное открытие состоялось лишь восемь лет спустя - 27 июля 1888 г.

⁵⁸ См.: Чуевский И.А. Торжество открытия Императорского Николаевского Университета в г. Саратове 6 декабря 1909 г. Саратов, 1910.

⁵⁹ «при наилучших обстоятельствах» (лат.).

⁶⁰ Кадлец Карл Яковлевич (1865-1928), чешский ученый-правовед; с 1905 г. проф. славянского права Карлова ун-та в Праге.

⁶¹ Зёрнов Владимир Дмитриевич (1878-1946), физик; в 1909-1921 гг. проф., в 1918-1921 гг. ректор Саратов. ун-та.

⁶² Дыбов Григорий Григорьевич (1868-1914), нотариус и гласный Саратов. городской Думы.

⁶³ Захаров Виктор Дмитриевич, инженер и гласный Саратов. городской Думы.

⁶⁴ *Никитин Антон Михайлович*, инженер и гласный Саратов. городской Думы.

⁶⁵ *Лаппа Николай Николаевич* (1868-после 1917), в 1904-1917 гг. управляющий Саратовской казенной палатой.

⁶⁶ *Хатунцев Николай Николаевич*, управляющий Саратов. контрольной палатой.

⁶⁷ *Архангельский Петр Иванович*, секретарь Саратов. контрольной палаты.

⁶⁸ *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861-1929), экономист, кадет; в 1905-1911 гг. ректор Моск. ун-та, в 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства.

⁶⁹ *Зёрнов Дмитрий Николаевич* (1843-1917), анатом; в 1873-1917 гг. проф., в 1898-1899 гг. ректор Моск. ун-та.

⁷⁰ *Арапов Борис Александрович* (1844-1918), частный поверенный и гласный Саратов. городской Думы.

⁷¹ *Кассо Лев Аристидович* (1865-1914), правовед; в 1893-1895 гг. проф. Дерпт. ун-та, в 1895-1899 гг. Ун-та св. Владимира в Киеве, в 1899-1910 гг. Моск. ун-та; с 1910 г. управляющий, в 1911-1914 гг. министр народного просвещения.

⁷² *Кульчицкий Николай Константинович* (1856-1925), гистолог; в 1893-1912 гг. проф., в 1897-1901 гг. декан мед. ф-та Казан. ун-та; в 1912-1914 гг. попечитель Казан., в 1914-1916 гг. Петерб. учебных округов; в 1916-1917 гг. министр народного просвещения; с 1920 г. жил за границей.

⁷³ Подробнее об этом см.: *Осятинский А.П.* Архитектурный ансамбль К. Л. Мюфке в Саратове. Саратов, 1984.

⁷⁴ *Анреп Василий Константинович* (1852-?), обществ. и полит. деятель, октябрист; в 1884-1887 гг. проф. Харьков. ун-та; в 1889-1901 гг. попечитель Харьков., в 1901-1902 гг. Петерб. учебных округов; депутат III Гос. Думы, председатель думской комиссии по народному образованию.

⁷⁵ *Годнев Иван Васильевич* (1854-1919), обществ. и полит. деятель, октябрист, депутат III и IV Гос. Дум.

⁷⁶ *Шингарев Андрей Иванович* (1867-1918), врач; кадет, депутат II и IV Гос. Дум; министр земледелия, финансов (с 5 мая 1917 г.) Временного правительства; убит вместе с ф. ф. Кокоскиным матросами-анархистами в Петрограде в Мариинской больнице.

⁷⁷ *Шишко Лев Петрович* (1872-1942), архитектор Министерства народного просвещения.

⁷⁸ *Догель Александр Степанович* (1852-1922), гистолог, чл.-кор. Петерб. АН (1894).

⁷⁹ *Кравков Николай Павлович* (1865-1924), фармаколог, чл.-кор. Рос. АН (1920).

⁸⁰ *Пульман Мечеслав Адольфович* (1877-?), саратовский архитектор.

⁸¹ *Люкишин Василий Алексеевич* (1872-1945), саратовский архитектор.

⁸² Правильное название фирм: «Эрихсон», «Яхимович».

⁸³ *Рогозин Сергей Федорович*, техник гражданских сооружений, участвовавший в строительстве зданий Саратов. ун-та.

⁸⁴ Подобный инцидент мог быть вполне реальным. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к воспоминаниям члена строительной комиссии Саратов. ун-та, гласного городской Думы М. Ф. Волкова.

«В первый же день приезда ректора, - писал он, - я познакомился с архитектором Мюфке, который приезжал

из Казани. Невысокого роста, молодой, полный, он и на словах, и в движениях был очень медлителен. Он уверял меня, что все здания у него имеются и он почти уже разработал весь проект постройки <...>. На самом деле не только в 1909 году у него ничего не было, но и весной, и летом 1910 года он представлял только некоторые схемы и наброски отдельных зданий и план размещения зданий по территории. Весной или в начале лета 1910 года приехал в Саратов архитектор от Министерства народного просвещения Л. Шишко для ознакомления с обстановкой и с тем, что здесь делается. Ничего почти не было сделано». (Цит. по: Донецкий Б. Кто построил Саратовский университет? // Саратов. 1999. 22 апр. № 74. С. 3).

⁸⁵ Имеется в виду доходный дом, принадлежавший помощнику присяжного поверенного Льву Исаковичу Пташкину (ул. Советская, 3), построенный по проекту архитектора Петра Митрофановича Зыбина (1857-1918).

⁸⁶ *Медведев Илья Афанасьевич* (1846-1912), купец, владелец колокольного завода в Саратове и гласный городской Думы; в 1909 г. на собственные средства построил на Армянской ул. (ныне ул. Волжская) здание гинекологической лечебницы.

⁸⁷ Из письма П. П. Лебедева от 10 янв. 1913 г.: «Моя мама и я желаем учредить при Саратовском Университете "стипендию имени публициста и редактора «Саратовского Листка» Петра Осиповича Лебедева (1848-1910)", отдавшего сорок лет жизни служению родному краю и неустанной борьбе за право гражданина. Стипендию выдавать по усмотрению Университета недостаточным студентам без различия национальности и вероисповеданий; дети наборщиков и других типографских служащих <...> пользуются преимуществом <...>. Для этой цели нами жертвуются на 6000 рубл. <...>, билеты 4% Государственной Ренты 1894 г.» (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 267, л. 7-7 об.).

⁸⁸ В начале сентября 1909 г. В.И.Разумовский от имени профессорской коллегии Саратовского университета обратился во все отечественные и зарубежные вузы, в ученые и научные общества, а также к частным лицам с призывом откликнуться на нужды университетской библиотеки, передав ей в дар или за плату на щадящих условиях свои труды, издания, журналы, а возможно, и целые книжные коллекции, содержащие сведения по самым разным отраслям знаний.

Итог инициированной ректором благотворительной акции оказался весьма результативным: за один только период с 27 октября по 31 декабря 1909 г. от 22 лиц и учреждений в университетскую библиотеку поступило 1621 издание в 2603 томах. Не утих поток книжных пожертвований и в дальнейшем. Особенно впечатляющими в этом отношении стали 1910 и 1914 гг. Не намного уступал объем дарственных поступлений в 1913 г. В остальные же годы пожертвования выглядели менее внушительными, хотя по-прежнему во многом превосходили численность покупаемых библиотекою книг. Всего с 1909 по 1916 г. от частных лиц и учреждений в виде пожертвований в университетское книгохранилище поступило 26079 изданий в 45896 томах стоимостью приблизительно в 53317 руб. 40 коп., что превышало официальные приобретения более чем в 3 раза (Отчет о состоянии Императорского Николаевского Саратовского университета за 2-ю половину 1909 года // Известия Императорского Николаевского Университета. 1910. Т. 1. С. 23; См. также: Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский Университет... С. 91-92).

Автором упоминаются три наиболее крупных библиотеки: *Михаила Константиновича Ушкова* (принадлежавшая ранее профессору канонического права Московского университета *Алексею Степановичу Павлову*

(1832-1898)), которая содержала множество «выдающихся памятников гражданского права, древней письменности, археологии и книговедения» (1674 названия в 2366 томах на сумму в 6015 руб. 70 коп.); почетного гражданина Саратова бывшего в 1870-1879 гг. саратовским губернатором, статс-секретаря *Михаила Николаевича Галкина-Враско* (1834-1916), «о получении которой длительно хлопотал университет», и которая была представлена книгами «по географии, этнографии, статистике, экономике, истории, философии, литературе, пенитенционному делу, праву и по административному управлению России» (3750 названий в 8162 томах на сумму в 14633 руб. 60 коп.). Но особенно ценной по праву считается библиотека крупного русского ученого-литературоведа, заслуженного профессора Петербургского университета *Ильи Александровича Шляпкина* (1858-1918), на получение которой кроме Саратова претендовал также и Казанский университет. Это библиотечное собрание состояло из книг по древней и новой русской литературе, русской истории, русских древностей, истории искусств, народной словесности, истории западноевропейской литературы, философии, греческих и римских классиков, всеобщей истории. Кроме того, оно содержало «свыше 300 рукописей русских XIII-XVIII вв., до 500 грамот и др.<угих> архивных документов, до 1000 лубков (старых и новых), портреты русских писателей, фотографии классических картин, преимущественно византийские древности, и до 500 автографов русских писателей» (14700 названий в 70000 томах на сумму 40000 руб.) (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 719, л. 51; Артисевич В.А. Книжные коллекции в фондах Научной библиотеки при СГУ // Труды Научной библиотеки при СГУ. Вып. 1. Саратов, 1947. С. 16-18).

⁸⁹ *Симановский Николай Петрович* (1854-1922), оториноларинголог, акад. Петерб. АН (1907); в 1890-1917 гг. проф. Воен.-мед. академии в Петербурге; жертвовател Сарат. ун-та.

⁹⁰ *Цытович Митрофан Феофанович* (1869-1936), оториноларинголог; в 1914-1930 гг. проф. Сарат. ун-та, с 1930 г. Сарат. мед. ин-та.

⁹¹ Сцена бессовестной сделки в Строительном Комитете Министерства народного просвещения достаточно ярко описана также и в воспоминаниях профессора В.Д.Зёрнова (см.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента // Волга. № 2. С. 117-118).

⁹² *Разумовская* [урожд. Залесова] *Юлия Антоновна* (1876-1958), жена В.И.Разумовского.

⁹³ *Пирогов Николай Иванович* (1810-1881), хирург и анатом, педагог и обществ. деятель, чл.-кор. Петерб. АН (1846).

⁹⁴ *Хлопин Григорий Витальевич* (1863-1929), врач-гигиенист, заслуженный деятель науки РСФСР (1927).

⁹⁵ *Ульянов Григорий Константинович* (1859-1912), историк; в 1889-1904 гг. ректор Варшав. ун-та; в 1908-1910 гг. товарищ министра народного просвещения.

⁹⁶ О чисто формальном, не принесшем реальной пользы университетскому строительству участии столичного архитектора в проектировании здания Физического института свидетельствуют многие факты, в том числе два документа из личного архива профессора В.Д.Зёрнова. Это, во-первых, пакет с планами трех этажей и крыши института, на каждом из которых в правом нижнем углу стоит собственноручная подпись Л.П.Шишко, и, во-вторых, его письмо В.Д.Зёрнову от 13 августа 1910 г. (его полный текст см.: Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский Университет... С. 130).

Известно также, что к проектированию здания Физического института архитектор Л.П.Шишко отнесся в высшей степени несерьезно, если не сказать халатно. Вот что, например, писал по этому поводу профессор В.Д.Зёрнов: «Желая по возможности скоро осуществить требование законопроекта и приступить к постройке Физического института, я в декабре 1909 года, с согласия первого ректора Николаевского университета проф. В.И.Разумовского, лично обратился к ныне покойному министру народного просвещения А. Н. Шварцу и просил у него разрешения для ускорения дела заказать проект архитектору Министерству народного просвещения. <...>

Заручившись согласием г<осподина> министра, я передал архитектору задание и черновой набросок плана здания. Г<осподин> архитектор, рассмотрев набросок, обещал переработать его согласно с требованиями министерства <...>.

В марте 1910 года эскизный проект архитектором был доставлен в Саратов, а в мае того же года при участии проф. В.И.Разумовского и моем проект был проведен через Строительный Комитет министерства. При этом архитектору было поручено внести в проект некоторые исправления. <...> Осталось сделать указанные исправления и составить подробную смету. Но приступить к постройке удалось только в мае 1911 года. Несмотря на неоднократные напоминания не только со стороны университетской строительной комиссии, но и со стороны городского самоуправления, проект и смета не могли быть своевременно получены из министерства. Наконец, г. министр телеграммой разрешил сдавать работы до получения сметы, а вслед за этим была получена и смета, утвержденная в сумме 246515 рублей 99 к. Но вместо чистового проекта мы получили набросок на кальке, в который никаких исправлений не было внесено <...>.

Набросок плана пришлось перерабатывать на месте, так как в нем оказалось немало недостатков: так, внутри здания почти не было капитальных стен, а все переборки были показаны деревянными штукатуренными; громадный пол аудитории не имел достаточной опоры. Все это казалось нам недопустимым для Физического института, так как первое требование, предъявляемое к такому зданию, это прочность и устойчивость. <...> Руководство постройкой и исправление проекта принял на себя строитель Николаевского Университета, архитектор К.Л.Мюфке». (Зёрнов В.Д. Физический институт Императорского Николаевского Университета в Саратове. Киев, 1916. С. 1-3).

⁹⁷ *Любенецкий Генрих Александрович* (1877-1947), физиолог; в 1917-1921 гг. проф. Сарат. ун-та.

⁹⁸ *Шевяков Владимир Тимофеевич* (1859-1930), зоолог, чл.-кор. Петерб. АН (1908), чл.-кор. Рос. АН (1917), чл.-кор. АН СССР (1925); в 1910-1917 гг. товарищ министра народного просвещения.

⁹⁹ Возможно, имеется в виду председатель Технического комитета Министерства народного просвещения *Анциферов*.

¹⁰⁰ Отставка А.Н.Шварца с поста министра народного просвещения произошла 25 сентября 1910 г., действительно, по причине его плохого самочувствия.

В письме к Алексею Ивановичу Соболевскому (1856-1929) от 19 июня 1910 г. сам А.Н.Шварц отмечал в связи с этим: «Что сказать Вам о себе? Что я ухожу, это Вы знаете уже, вероятно, из газет. <тольпи>н долго меня удерживал (я прошусь на покой еще с декабря [1909 г.]) <...>, но принципиально вопрос решен. Причина - плохое здоровье <...>. Какова должна быть будущая жизнь, поймите из следующего: жары избегать, у моря не жить, по горам не ходить, вообще не двигаться по возможности, резких движений во всяком случае не

делать, не волноваться ни под каким видом, и много-много избегать». (Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 287-288.)

¹⁰¹ *Спешков Сергей Федорович*, попечитель Казан. учебного округа (с 1901); в 1911 г. назначен председателем Строительного Комитета Министерства народного просвещения.

¹⁰² *Кириков Николай Николаевич* (1861-1915), терапевт; в 1911-1915 гг. проф. Саратов. ун-та.

¹⁰³ *Левковский Аристарх Михайлович* (1865-1922), невролог и психиатр; в 1912-1922 гг. проф. Саратов. ун-та.

¹⁰⁴ Речь идет о вынужденной отставке 131 профессора и преподавателя Московского университета, принявших такое решение в знак протеста против опубликования и введения в действие известного постановления Совета министров «О недопущении в стенах высших учебных заведений студенческих собраний и вменение в обязанность полицейским чинам принимать быстрые и решительные меры против них». (См.: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 376).

При этом характерно, что сам Л.А.Кассо оценивал происходящие события совершенно спокойно, утверждая, что «...потери Московского университета <...> невелики и русским ученым остается или преклониться перед этим приговором, или устраниваться...» (цит. по: Тимирязев К.А. Наука и демократия. Сб. статей 1904-1919 гг. М., 1963. С. 61-62).

¹⁰⁵ Письменное распоряжение «...относительно прекращения непосредственного сношения [Саратовского] Университета с Министерством народного просвещения, разрешающего сему Университету на первых шагах его деятельности с целью получения на месте разрешений по хозяйственной и учебной части в кратчайший срок», было сделано 2 июля 1910 г. самим А.Н.Шварцем, а не Кассо, как утверждает автор воспоминаний (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 21, л. 1; д. 54, л. 2).

¹⁰⁶ Во время одного из своих посещений Саратовского университета попечитель Казанского учебного округа Н.К.Кульчицкий недвусмысленно дал понять профессору В.В.Вормсу, что «...проректор, мало осведомленный, или не желающий осведомлять о политических настроениях студенчества, не соответствует духу времени» (ГАСО. Ф. 332, оп. 1, д. 92, л. 13 об.). После этого ученому ничего другого не оставалось, как подать прошение об отставке, которое и было удовлетворено 1 ноября 1913 г.

¹⁰⁷ Не последнюю роль в этом деле сыграл все тот же Н.К.Кульчицкий, намеревавшийся еще до 1914 г. заменить в Саратовском университете А.Я.Гордягина на К.С.Мережковского, чтобы последний смог «одновременно занять там и должность ректора». (Подробнее об этом см.: Гордягин А.Я. Из истории Ботанического кабинета Казанского университета // Учен. зап. Казан. ун-та. 1933. Т. 93, вып. 6. С. 58-59).

¹⁰⁸ «да будет субординация, хотя бы погиб мир!» (лат.).

¹⁰⁹ На состоявшемся 7 мая 1912 г. заседании Совета университета, объясняя причины своего отказа вновь баллотироваться на пост ректора, В.И.Разумовский заявил: «Я имею право не выставлять свою кандидатуру на выборы, тем более, что среди членов Совета находятся лица, работавшие вместе со мной с основания Саратовского университета и, следовательно, с такой же опытностью, как и у меня; не сомневаюсь, что при их

участии (в случае выбора их) дальнейшее развитие Николаевского университета пойдет правильно. Насколько могу, в качестве члена Совета, буду всеми силами способствовать этому, но быть в администрации университета я отказываюсь» (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 271, л. 3 об.).

¹¹⁰ *Кокорцев Владимир Николаевич*, граф (1853-1943), в 1904-1914 гг. (с перерывом в 1905-1906) министр финансов, в 1911-1914 гг. председатель Совета министров.

¹¹¹ *Игнатьев Павел Николаевич*, граф (1870-1945), в 1915-1916 гг. министр народного просвещения.

¹¹² В почетные члены Саратовского университета В.И.Разумовский был избран 21 января 1916 г., после чего направил на имя ректора университета профессора П.П.Заболотнова следующую телеграмму: «Приношу глубокую благодарность членам Совета за высокую честь, оказанную мне избранием в почетные члены. Да процветает дорогой мне Николаевский Университет во славу науки и родины. Сердечный привет товарищам профессорам. Разумовский. 24 ноября 1916 г.» (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 712, л. 1-2).

¹¹³ *Преображенский Алексей Феофистович* (1875-1920), протоиерей; в 1910-1918 гг. проф. православного богословия Саратов. ун-та.

¹¹⁴ *Какушкин Николай Михайлович* (1863-1942), акушер-гинеколог; в 1912-1930 гг. проф. Саратов. ун-та.

¹¹⁵ *Боев Петр Николаевич* (1867-1919), саратовский художник, директор Радищевского музея.

¹¹⁶ *Бубнов Николай Михайлович* (1858-1943), историк, медиевист; проф. и декан ист.-филол. ф-та Ун-та св. Владимира в Киеве.

¹¹⁷ Кроме названных лиц, в созданную 25 января 1916 г. «Комиссию по выработке проекта учреждения историко-филологического факультета при Императорском Николаевском Университете» также входили: профессор Саратовского университета *Владимир Алексеевич Павлов* (1863-после 1930), профессор Университета св. Владимира в Киеве *Андрей Митрофанович Лобода* (1871-1931) и заведующий музеем Саратовской ученой архивной комиссии *Александр Августинович Кротков* (1866-после 1941). Упомянутая записка доложена Комиссией в заседании университетского Совета 22 февраля 1916 г., после чего была представлена в Министерство народного просвещения (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 791, л. 43-47).

¹¹⁸ Подтверждением тому может служить и личное заявление К.Л.Мюфке от 21 июня 1916 г.: «Вследствие телеграфного предложения господина товарища министра народного просвещения В.Т.Шевякова "прибыть к концу будущей недели (т. е. к 25-му июня) в Пермь для участия в совещании по приспособлению помещений для открываемого в Перми Университета", я должен выехать 19-го сего июня в Пермь» (ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 748, л. 71).

¹¹⁹ «соединенными усилиями» (лат.).

¹²⁰ *Гордель Михаил Яковлевич* (?-1922), виолончелист, педагог; в 1917-1922 гг. проф. Саратов. консерватории.

¹²¹ *Экснер Станислав Каспарович* (1859-ок. 1921), пианист, педагог и муз.-обществ. деятель, почетный гражданин Саратова (1914); в 1883-1912 гг. директор и преподаватель Саратов. муз. училища Рус. муз о-ва, в 1912-1921 гг. проф., в 1912-1914 гг. директор Саратов. консерватории.

¹²² «прежде всего не навреди» (лат.).